

Василий Макарович Красноперов

Подпольщики Бухенвальда

Об антифашистской борьбе советских военнопленных во время минувшей войны рассказывается в этой книге. В ней показывается деятельность подпольной организации в бухенвальдском концентрационном лагере, являвшемся одним из крупнейших в гитлеровской Германии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Об антифашистской борьбе советских военнопленных во время минувшей войны рассказывается в этой книге. В ней показывается деятельность подпольной организации в бухенвальдском концентрационном лагере, являвшемся одним из крупнейших в гитлеровской Германии.

В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» об антифашистской борьбе советских военнопленных сказано следующее:

«Продолжали борьбу против фашизма и пленные советские воины, находившиеся в гитлеровских концлагерях, и советские люди, угнанные фашистами в немецкий тыл. Находясь под угрозой смерти, они создавали подпольные антифашистские организации, устраивали побеги из лагерей, совершали диверсии, организовывали антифашистские

выступления, укрепляли узы дружбы с рабочими разных национальностей, включая и немецких, боровшимися против фашизма и войны. Борьба советских людей с гитлеровцами в их стране подрывала силы фашизма и способствовала успехам Красной Армии» 1 .

Рассказанное в этой книге является одной из иллюстраций к приведенным словам. Автор убедительно показывает, как обыкновенные советские люди в тяжелых условиях фашистского концлагеря создавали подпольные группы для организованной антифашистской борьбы.

Гитлеровские правители поставили советских военнопленных вне всяких международных законов и норм.

1 «История Коммунистической партии Советского Союза. Гос политиздат, 1959, стр. 555.

Тысячами отдавали их на расправу палачам. Фашисты сознательно уничтожали советских военнопленных в силу своей человеконенавистнической расовой теории, используя специально изобретенные ими способы смертной казни.

Советский народ никогда не забудет зверских расправ, учиненных эсэсовскими палачами над пленными советскими воинами на многочисленных «фабриках смерти». Описание в книге таких кровавых расправ нельзя читать без чувства гнева.

Подпольная деятельность убедительно показала, что врагу не удалось подавить у советских военнопленных волю к сопротивлению. Они оказывали тайное, а иногда и открытое сопротивление фашистским властям. Об этом свидетельствуют факты, приводимые в книге.

Гитлеровцы жестоко расправлялись со всеми, кто был замечен в проявлении советских патриотических чувств. Малейшее подозрение в этом означало немедленную смерть. Достаточно сказать, что в ворота бухенвальдского концлагеря вошло около 25 тысяч советских людей, а уцелело только 5 тысяч человек. Всего же мученическую смерть в этом лагере приняли 56 тысяч человек.

С удовлетворением читаем мы о том, что пленные советские воины в обстановке кровавого террора создали свои группы сопротивления. Советские люди играли ведущую роль в интернациональной подпольной деятельности узников бухенвальдского концлагеря. Они впервые подняли знамя восстания. Организованность и решительность советских военнопленных в сочетании с опытом подпольной борьбы немецких, чешских и других коммунистов, заключенных в лагерь еще до Великой Отечественной войны, позволили подготовить и осуществить в бухенвальдском лагере восстание в апреле 1945 года. В результате восстания свыше 20 тысяч узников различных национальностей избежали расправы со стороны нацистских палачей.

Не все военнопленные лагеря в Бухенвальде мужественно вели себя. Немало было людей, покорно ждавших казни. Были и предатели, шедшие ради своего спасения на службу к гестаповцам. Если первые вызывали чувство сострадания, то предатели достойны только вечного презрения.

Советское правительство высоко оценило самоотверженную борьбу бывших военнопленных с гитлеровским режимом. Многие из тех, кто бесстрашно стали на путь подпольной антифашистской борьбы, организовали и возглавляли ее, были удостоены правительственных наград.

Сквозь адские муки в гитлеровских концлагерях, в суровой борьбе против фашистских варваров прокладывали себе путь на Родину подпольщики лагеря Бухенвальд. Вернувшись в родные места, они влились в ряды советских тружеников и отдают свои силы и знания великому делу строительства коммунизма.

ПО СЛЕДАМ СОБЫТИЙ

Вскоре после войны я встретил своего товарища, прибывшего из Германии. Он рассказал много интересного фронтовой жизни. Когда наша беседа шла к концу, мой товарищ вытащил из полевой сумки аккуратно сложенные исписанные листы бумаги. Листы были сшиты и предстали собой как бы книгу. Мое внимание привлек один из них, на котором сверху было написано: «Конец Бухенвальда». В памяти всплыли отрывочные сообщения, появлявшиеся в последние дни войны об этом лагере смерти.

— Оставляю тебе эти записки, — сказал на прощание товарищ, — может быть, используешь в газете.

Авторами записок оказались советские военнопленные, прощенные фашистами за колючую проволоку. Они рассказывали о нечеловеческом труде в лагере, о дьявольской системе издевательств гитлеровцев над военнопленными, о действовавшей в лагере подпольной организации.

Появилось желание глубже ознакомиться с деятельностью бухенвальдского подполья. Предстояло выяснить достоверность всех фактов, изложенных в записках. В первые годы после войны в музеях, в архивах и в печати никаких подробностей об этом лагере нельзя было найти. Фамилии многих участников подполья упоминались лишь в записках. Необходимо было найти хотя бы одного из этих участников подпольной борьбы. Но сделать это было не легко. Прошло несколько лет, прежде чем состоялась моя первая встреча с бывшими узниками Бухенвальда.

В 1956 году в периодической печати и в художественной литературе стали появляться отдельные материалы о жизни и борьбе советских людей, брошенных в концлагеря. Примерно тогда же состоялась серия радиопередач писателя Сергея Смирнова «В поисках героев Брестской крепости».

Почувствовав себя виноватым перед теми, чьи записки лежали у меня в журналистском архиве, я решил более энергично приступить к поискам оставшихся в живых участников бухенвальдского подполья.

Из множества людей, упоминавшихся в записках меня больше всего интересовали двое — Сергей Дмитриевич Котов и Николай Федорович Кюнг. Именно они в записках наиболее полно рассказывали о делах подпольщиков. Из записок было видно, что эти товарищи входили в руководящий центр подпольщиков. Наконец, в записках Котов и Кюнг указывали свое прежнее место жительства. Котов — из Рязанской области, а Кюнг — из Вязьмы.

Начал я с того, что направил письма в адрес начальников управлений милиции Смоленской и Рязанской областей. Из Рязанской области сообщили, что Котов Сергей Дмитриевич проживает в Ташаузской области, Туркменской ССР.

По указанному адресу от имени редакции «Московской правды», где я тогда работал, Котову было направлено письмо, но оно «за выбытием адресата» вернулось без ответа.

Как выяснилось позже, Котов перешел на работу учителем в одну из школ Сталинабадского района Таджикской ССР, где и трудится в настоящее время. Но разыскать новый адрес его удалось значительно позже.

В отношении Кюнга Н. Ф. также пришел малоутешительный ответ. Найти его удалось чисто случайно.

Как-то, в конце февраля 1957 года сотрудница отдела писем нашей газеты сказала:

— Знаете, у нас есть одно письмо, кажется, от учителя из Подольского района, по фамилии Кюнг.

Быстро нашел это письмо. Помню, автор сообщал, что на станции Щербинка намечено построить школу слишком близко от железной дороги. Он просил редакцию помочь добиться от соответствующих организаций изменения места стройки. На конверте был указан адрес Н. Кюнга.

Я уже хотел поехать по этому адресу, но на следующий день в «Правде» появилась заметка о встрече бывших военнопленных. В ней сообщалось, что в Советском комитете ветеранов войны состоялось расширенное заседание бюро секции бывших военнопленных и участников сопротивления фашизму. Далее говорилось следующее:

«Взволнованную речь от имени десяти присутствовавших на заседании бывших узников концлагеря Бухенвальд произнес заведующий учебной частью Щербинской семилетней школы № 7 Подольского района, Московской области, Н. Ф. Кюнг. Он поделился воспоминаниями о борьбе, которую вели советские военнопленные рука об руку с немецкими коммунистами, французскими, польскими, югославскими заключенными в концлагере Бухенвальд, завершившейся восстанием».

Понятно, что мне оставалось только позвонить по телефону и услышать наконец голос первого живого узника фашистского концлагеря.

Теперь, когда один из членов руководящего центра подпольной антифашистской организации советских военнопленных в Бухенвальде так неожиданно нашелся, можно было начать сбор дополнительных материалов о Деятельности ее, восстановить цепь событий. Все последующие встречи с отдельными наиболее активными членами подпольной организации тоже преследовали именно эту цель.

Вскоре с Николаем Федоровичем Кюнгом мы встретились в редакции газеты «Московская правда». Выяснилось, что он родился в 1917 году. До призыва в армию работал в Смоленской области учителем истории. Война застала его заместителем начальника одной из полковых школ Брестского гарнизона.

В начале войны Н. Ф. Кюнг во время переправы через реку был тяжело ранен. Жители ближайшей деревни укрыли его вместе с другими воинами. Может быть, и посчастливилось бы Кюнгу после выздоровления продолжать борьбу с фашистскими захватчиками на фронте. Но случилось так, что по доносу предателя на дом, в котором укрывались раненые советские воины, поздно вечером, словно коршуны, налетели фашисты. Так Н. Кюнг и еще несколько бойцов оказались в плену.

Товарищ Кюнг пытался бежать из плена, но был схвачен эсэсовцами и на этот раз этапным порядком отправлен в глубокий тыл. Несмотря на то что зима 1941 года уже вступила в свои права, военнопленных везли в товарных вагонах. За всю дорогу они не получили ни крошки хлеба, ни глотка воды. Это было первым испытанием в фашистской неволе. А потом в одном из лагерей для военнопленных в Саксонии Кюнг заболел тифом.

После выздоровления Кюнга включили в рабочую команду и направили в оккупированную Бельгию, в лагерь, узники которого работали на шахтах. В этом лагере среди советских военнопленных создалась подпольная группа сопротивления. Подпольщики с помощью бельгийских товарищей организовали побег заключенных в Арденны, к французским «маки». Одним из руководителей этого подполья был бывший учитель истории Н. Ф. Кюнг.

Одно время среди военнопленных развернули свою подлую работу находившиеся на разных служебных постах у фашистов бывшие белогвардейцы. Особой жестокостью среди них отличался белогвардеец по прозвищу Бородавка. Он пытался найти тех, кто мешал вербовать советских военнопленных в так называемую русскую освободительную армию (РОА). Подозрение пало и на Кюнга. Бородавка вызвал его к себе в кабинет и избил до потери

сознания.

После этого Кюнга направили в тюрьму во Франк-фурте-на-Майне, затем — в Кассельскую тюрьму, где фашисты формировали группы обреченных на пожизненную каторгу или на смерть и отправляли в Бухенвальд.

Ранним утром 2 сентября 1943 года тюремные машины высадили у массивных стальных ворот бухенвальдского лагеря большую группу советских военнопленных, теперь уже политических заключенных. Так Н. Ф. Кюнг попал в бухенвальдский лагерь.

— Знаете ли вы, что в лагере у нас формировались подпольные взводы, роты и батальоны? — спросил Кюнг как-то в одной из бесед.

— А кто же командовал ими? — поинтересовался я.

— Подполковник Смирнов. Это наш «комкор»

Об Иване Ивановиче Смирнове я уже знал из записок. Позднее выяснилось, что вскоре после освобождения из плена подполковник Смирнов ушел в отставку и поселился в Горьковской области. С кем бы из бухенвальдцев ни приходилось беседовать, каждый подчеркивал исключительную выдержку этого офицера. Необходимо было во что бы то ни стало увидеться с ним.

Прошло некоторое время, и Иван Иванович приехал в столицу.

— Подполковник в отставке Смирнов, — представился пришедший в редакцию. К тому времени у меня имелся фотоснимок группы бухенвальдцев, на котором был и Смирнов. Поэтому я без труда его узнал.

Во время беседы Иван Иванович положил на стол книгу с типографским текстом. На обложке заголовок: «Сборник воспоминаний о концентрационном лагере Бухенвальд». Внизу дата выпуска—1945 год. Пробежал первые страницы и сразу понял — это уже знакомые мне записки. Оказывается, на другой день после восстания заключенных в Бухенвальде руководящий центр подпольной антифашистской организации советских военнопленных решил издать сборник воспоминаний. Решение обнародовали по лагерному радио. Для редактирования и оформления сборника выделили группу товарищей. Материалов собралось очень много. Из них в сборник отобрали лишь наиболее ценные. Когда закончилась вся подготовка, встал вопрос, как отпечатать сборник. Кто-то из военнопленных вспомнил, что на одном из военных заводов, расположенных вблизи лагеря, есть светокопировальная установка. На ней и отпечатали первые экземпляры сборника.

Я спросил Смирнова, не может ли он определить, что за записки хранились у меня, и показал ему пожелтевшие от времени листы. Выяснилось, что у меня хранится один из первых экземпляров записок, отпечатанных на светокопировальном станке. Это было так называемое «веймарское издание», по имени города Веймар, в районе которого располагался лагерь Бухенвальд.

Из беседы со Смирновым, Кюнгом и другими бывшими участниками бухенвальдской подпольной организации я выяснил историю той книги, которую показал мне Смирнов. Поскольку печатание сборника на светокопировальной машине — могло надолго затянуться, решено было разыскать типографию с русским шрифтом. Такую типографию удалось найти в городе Эрфурте, расположенном в нескольких километрах от Бухенвальда. Среди жителей города нашлись типографские работники, умеющие набирать на русском языке. Через несколько дней были отпечатаны 60 экземпляров книги. Это второе издание получило название «эрфуртского». Один такой экземпляр поступил в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, где в настоящее время и хранится.

Беседуя со Смирновым, я узнал, что он еще в 1919 году вступил в ряды Красной Армии и в начале Великой Отечественной войны был начальником артиллерии дивизии. Осенью 1941

года часть, в которой сражался Смирнов, вела тяжелые бои под Великими Луками. В ожесточенном ночном бою Смирнова ранило, он потерял сознания. Темнота помешала товарищам вовремя обнаружить его. Так он очутился в плену.

Смирнов долго рассказывал о том, сколько мытарств по концентрационным лагерям и фашистским тюрьмам ему пришлось испытать, пока наконец его, как обреченного на смерть, летом 1943 года не бросили в концлагерь Бухенвальд,

В беседе Иван Иванович рассказывал о том, как в лагере формировались подпольные взводы, роты и батальоны. Мы уже собирались распрощаться, как вдруг раздался телефонный звонок. По телефону чей-то голос спрашивает:

— Извините, мне сказала, что у вас находится Смирнов Иван Иванович?

Передаю трубку Смирнову. Нельзя было без волнения смотреть на него. Кто-кто, а он, командовавший в подполье «вооруженными силами», умел скрывать свои чувства. Но сейчас я увидел на глазах его слезы. Оказалось, звонил Николай Николаевич Сахаров, тоже бывший кадровый офицер Советской Армии, вместе со Смирновым находившийся в Бухенвальде.

Состоялась наша встреча и с Сахаровым. Николай Николаевич работает на одном из подмосковных заводов. Война застала его помощником начальника штаба казачьего полка. В одном из ожесточенных боев Сахаров, будучи раненным, оказался в плену. Побывал в фашистских тюрьмах, не раз пытался бежать, но вновь оказывался за тюремной решеткой. Наконец его бросили на вечную каторгу в Бухенвальд. Находясь в гестаповских застенках, Сахаров проявил себя мужественным патриотом Родины.

Каждая встреча с этим человеком была приятной. Он рассказал, как после возвращения на Родину ходил с поисковыми партиями по горам Кавказа, работал начальником одной геологопоисковой партии при разведке месторождений нефти в районе Бугуруслана — Бугульмы, а затем принимал участие в изыскании горючего газа в бассейнах Оби и Сосьвы.

Позднее удалось беседовать и с другими подпольщиками Бухенвальда, в частности с С. М. Хариным.

Запомнилась встреча с бывшим лейтенантом Советской Армии Степаном Михайловичем Баклановым. Сейчас он работает на строительстве Братской ГЭС. Степан Михайлович рассказал, как тяжело раненным в начале 1942 года попал в плен и через некоторое время, с одной из первых групп советских военнопленных, был брошен за колючую проволоку бухенвальдского концентрационного лагеря.

Бывшие участники подпольной организации в лагере Бухенвальд, узнав, что о деятельности их хотят рассказать в печати, старались связаться с редакцией нашей газеты.

Так, однажды в редакцию зашел небольшого роста человек. Он назвался Сусловым из Костромы.

— Моя фамилия вам ничего не говорит. Поясню: я бывший военврач и долгое время находился в плену, в концлагере Бухенвальд, — сказал он.

Леонид Николаевич работает врачом в Костромской больнице. Желая дополнить имеющиеся у нас данные о работе антифашистской организации, он и зашел в редакцию. Я поблагодарил Леонида Николаевича за ценные сведения, освещавшие очень важную сторону деятельности подпольщиков.

Удалось встретиться еще с одним подпольщиком. О нем в записках рассказывалось мало, а между тем каждый, с кем я беседовал, упоминал его фамилию. Это был Борис Сироткин, бывший сапер. Сироткин принимал активное участие в изготовлении самодельных гранат.

В нашей редакции побывали многие бухенвальдцы, и рассказать о всех встречах с ними не представляется возможным. Большое значение имела встреча с руководителем большого

коллектива бухенвальдского подполья — Николаем Семеновичем Симаковым.

Бывший сержант-пограничник Симаков — сын железнодорожника сибирских магистралей. До войны закончил машиностроительный техникум, а затем был призван в ряды Советской Армии. Пограничники отряда, в котором служил Симаков, одними из первых встретились с фашистскими захватчиками. Свой рубеж Симаков не оставлял до тех пор, пока не был ранен и в тяжелом состоянии попал в плен. Вместе с другими советскими военнопленными гитлеровцы заточили Николая Семеновича в концентрационный лагерь Бухенвальд.

Первого апреля 1957 года в редакции нашей газеты состоялся вечер встречи бывших узников бухенвальдского лагеря с журналистами. На встрече присутствовали журналисты многих московских газет, представители Всесоюзного радио и кинохроники, корреспонденты ТАСС, а также бывшие военнопленные, находившиеся в годы войны в Бухенвальде и в других концентрационных лагерях.

Волнующие рассказы живых свидетелей гитлеровского застенка вызвали исключительный интерес у присутствующих. По радио было передано сообщение об этой интересной встрече. О ней узнали сотни бывших узников бухенвальдского лагеря. В адрес Советского комитета ветеранов войны посыпались письма со всех концов страны. В письмах выражалась благодарность Коммунистической партии и Советскому правительству за проявленную заботу о бывших советских военнопленных.

* * *

Советские военнопленные, оказавшись за колючей проволокой Бухенвальда, продолжали активную борьбу со злейшим врагом человечества — фашизмом. Родина не забыла их фронтовых подвигов. Многие из них отмечены правительственными наградами, Н. С. Симаков за оборону границ СССР удостоен ордена Славы III степени, Н. Ф. Кюннг награжден орденом Отечественной войны I степени, Н. Н. Сахаров — орденом Отечественной войны II степени, Б. Н. Сироткин — медалью «За отвагу». Орденом Красной Звезды награждены С. Д. Котов — за мужество, проявленное в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Е. Яльцев — за оборону границ СССР. Многие другие бывшие узники Бухенвальда также удостоены правительственных наград.

О боевых делах советских подпольщиков бухенвальдского лагеря смерти и рассказывается в настоящей книге.

„ЛАГЕРЬ СМЕРТИ“

Концентрационные лагеря были организованы в Германии сразу же с приходом к власти нацистов в 1933 году. В них были тогда заключены многие тысячи немецких антифашистов.

Концентрационный лагерь Бухенвальд был основан в 1937 году и находился в центральной части Германии, около города Веймар, на горе Эттерсберг. На склонах горы рос красивый буковый и дубовый лес, перерезанный глубокими балками. Сооружения лагеря возводились немецкими политзаключенными. Они производили расчистку леса, корчевали пни и на руках переносили тяжелые буковые деревья к месту строительства бараков и зданий.

Один архитектор, которого гитлеровцы бросили за колючую проволоку, рассказывал, что, по его подсчетам, на строительство концлагеря Бухенвальд было израсходовано не менее миллиона кубических метров камня, добытого самими заключенными, изготовлено, перенесено и вложено в сооружения различного типа около 1,4 миллиона кубических метров кирпича и выполнено свыше 6 миллионов кубометров земляных работ.

Для сжигания трупов убитых и замученных узников гитлеровцы построили крематорий. Печи этого крематория не остывали много лет. Лишь в последние дни перед крахом фашистской Германии крематорий перестал работать из-за отсутствия топлива, и трупы убитых сваливались в котлованы вблизи лагеря.

Как бы в насмешку гитлеровцы сделали на воротах лагеря надпись: «Каждому — свое». Это означало, что человеку, брошенному за колючую проволоку, уже больше не увидеть свободы, что его путь отсюда только к смерти.

Бежать из этого лагеря было почти невозможно. Его окружал двойной забор с колючей проволокой и пропущенным через нее током высокого напряжения. Вокруг лагеря высились два десятка сторожевых вышек с прожекторами и пулеметами. Стоило узнику приблизиться к ограде, как по нему открывали огонь без всякого предупреждения.

Концлагерь Бухенвальд делился на две части — большой и малый. В бараках (блоках) большого лагеря жили заключенные, входившие в те или иные рабочие команды,

В лагерных бараках

а в малом лагере все вновь прибывшие как бы проходили карантин.

Надо учесть, что физически здоровых людей в лагере не было вообще. Поэтому установленный здесь каторжный труд сам по себе убивал людей.

На Нюрнбергском процессе один из свидетелей, прошедших сквозь ад этого нацистского лагеря, француз Виктор Дюпо в своих показаниях сообщил, что наиболее слабые заключенные умирали уже в карантине, а остальные становились жертвой непосильного труда.

Первыми рабочими командами в Бухенвальде были строительная, садоводческая и каменоломная. В каменоломне, расположенной западнее лагеря, в 1937 году работало 70 заключенных, а к концу существования лагеря их насчитывалось много тысяч. Кирками и ломами добывали они камень и транспортировали его в вагонетках. К середине 1943 года здесь установили механическую лебедку и камнедробилку. Но обтесывали и шлифовали камни вручную. Из камней изготавливались плиты и даже скульптуры.

С раннего утра и до поздней ночи, по 12—14 часов в сутки, работали узники и в других командах — по строительству лагеря, военного завода и железной дороги.

Для политических заключенных полагалась уни форма — арестантский полосатый костюм. Что касается советских военнопленных, то они оставались в своей старой одежде, которая со временем превращалась в лохмотья. Заключенным, совершившим побег из тюрьмы или какого-либо лагеря до заточения в Бухенвальд, нашивали на спину большой бело-красный круглый знак. Это были своего рода люди-мишени.

Политзаключенным не разрешалось носить свою обувь. Фашисты изобрели «универсальную обувь» — де ревянные колодки, от которых на ногах образовывались мозоли и долго не заживающие раны.

В лагере иногда производилась санобработка. Но она превращалась в издевательство. Вновь прибывшие плен ные подвергались так называемому «бухенвальдскому омовению». После небольших формальностей в коменда туре заключенного вели к бассейну и заставляли нырять в воду, разбавленную карболкой. Кто не решался при нять такую ванну, того силой швыряли в бассейн.

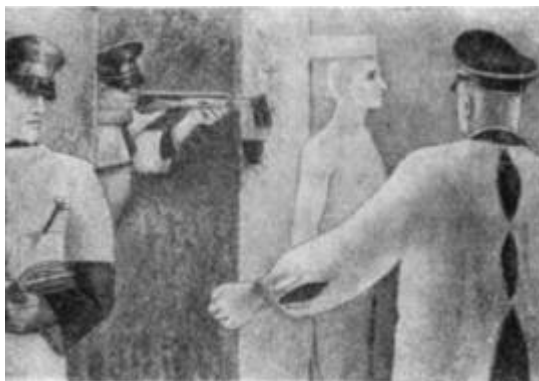
В Бухенвальде, как, впрочем, и в других концлагерях, выдавался голодный паек. Узник до предела терял вес, а затем начинались отеки от голода. Всего в суточном рационе было 750—800 калорий, тогда как каторжный труд требовал для восстановления сил не менее 4 тысяч ка лорий. За малейшую провинность заключенные лиш а лись и этой скудной пищи.

Фашистские палачи применяли самые утонченные ме тоды убийства. В прозванном «хитрым домиком», стояв шем недалеко от лагерных ворот помещении бывшей конюшни происходили расправы, наводившие ужас даже на тех людей, которые уже многое пережили в фашист ских застенках. Это помещение являлось местом массо вого уничтожения людей.

Обреченных вводили в левую половину конюшни, где им предлагали раздеться якобы для медицинского осви детельствования. Более или менее чистое помещение, за литое электрическим светом, не вызывало никаких подо зрений. В одной из комнат заключенного встречал чело век в белом халате, который спрашивал, на что тот жалуется, и даже просил рассказать, какие болезни он перенес в детстве, чем болели родители и т. д. Все ответы аккуратно заносились в журнал.

Но вот заключенного приглашают в следующую ярко освещенную комнату. Пол ее аккуратно посыпан опил ками. В левом углу умывальник. Тут же стоят весы. В малоосвещенном углу — ростомер. Словом, все предметы медицинского осмотра налицо.

Эсэсовец в белом халате подводит заключенного к весам, затем его ведут к ростомеру. Человек делает по следние два шага и не знает, что сейчас наступит конец. «Медик» поворачивает свою жертву спиной к ростомеру, медленно подводит к затылку подвижную планку. Сле дует толчок. Смерть...

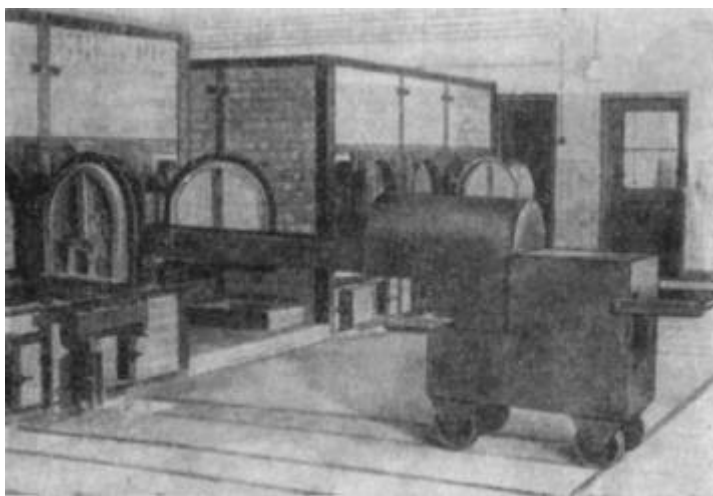

«Ростомер», с помощью которого убивали военнопленных

В подвижную часть измерителя роста был вмонтирован пистолет, дуло его при опускании планки точно становилось напротив затылочной части головы. Ростомер стоял у стены, в которой была сделана прорезь по вертикали для свободного движения пистолета. В находящейся за этой стеной маленькой комнатке сидел эсэсовец. Он нажимал курок. В концлагерях фашисты уничтожили таким способом более 7 тысяч советских военнопленных.

Другим местом массовых убийств был лагерьный крематорий. Здесь не только сжигали трупы убитых и умерших. В подвалах крематория творилось нечто невероятное. Вот как описывали эти события свидетели.

Подъезжала крытая машина. Из нее эсэсовцы выталкивали полуживых людей. Первый, второй, третий... Кто еще был в силах двигаться под конвоем, доходил до калитки, ведущей к зданию крематория. Проходя через калитку, не успев еще сделать и двух шагов, человек, гремя цепями, проваливался в подземелье. Люк, в который падал заключенный, немедленно закрывался, и уже никакие звуки не слышны были оттуда.

Бухенвальдский крематорий. Здесь сожжены многие тысячи невинных людей

Каждого упавшего в подземелье палач большим деревянным молотком с размаху бил по голове. Двое других подтягивали оглушенного к каменной стене, где на высоте выше человеческого роста были вбиты 48 железных крюков. Палачи вешали на них свои жертвы за нижнюю челюсть. Человек умирал мучительной смертью...

В Бухенвальде по приказу Гиммлера в 1941 году был создан так называемый «гигиенический институт», который располагался в блоке № 46. Институт этот предназначался для различных опытов над живыми людьми. Деятельность его началась под руководством эсэсовца Шулле. Верховным же покровителем «института» являлся Гиммлер. Опыты : производились в строжайшей тайне по заявкам Берлинской военно-медицинской и других академий гитлеровской армии, различных заинтересованных организаций, университетов и командования военно-воздушных сил.

В широком масштабе производились опыты по сыпному тифу, для выработки предохранительной вакцины. Заключенному вводили кровь сыпнотифозного больного. Начиналось наблюдение. У тех, кто перенес заболевание без всяких осложнений, после двух — трех недель, когда исчезали все признаки болезни, брали по литру крови. Из нее в специальных лабораториях изготовлялась сыворотка для лечения немецких солдат, больных сыпным тифом. Остальных людей, которым была сделана инъекция, умерщвляли.

В «институте» производились также опыты по судебной медицине. В 1944 году в одном из помещений лагеря нашли мертвым эсэсовца Кохлера. Возникло подозрение что его отравил старший врач лагеря, доктор Ховен который накануне давал ему какие-то пилюли. Ховер

отрицал свою вину. Тогда лагерное руководство решило испытать на военнопленных, действительно ли эти пилюли содержат смертельный яд. Были отобраны три советских офицера и один солдат. Их заставили принять дозу в десять раз большую, чем та, которую Ховен якобы дал Кохлеру. Пленные тяжело заболели. На протяжении нескольких часов они мучились в тяжелых конвульсиях. Но ни один из них не умер. Ховена признали невиновным, а советские военнопленные, выдержавшие эксперимент, через несколько дней были уничтожены.

Особо изощренными изуверствами отличался первый комендант концлагеря Бухенвальд Карл Кох. Он творил свои злодеяния вместе со своей женой Ильзой Кох.

Вот огромная повозка. Она доверху нагружалась камнями. В построении впрягались заключенные, которые бесцельно возили эти камни по двору. Вот каток. Им ничего не трамбовали, ибо территория лагеря и без того была утоптана ногами тысяч узников. На протяжении многих лет этот каток редко стоял без движения. Час за часом заключенные толкали его по широкому кругу. Быть может, потому, что никто не видел ни результата, ни конца этому бесплодному труду, силы иссякали куда быстрее. Иной заключенный, работавший месяцами в ка меноломне, не выдерживал и надрывался в первые же часы бесцельного толкания катка. А короткая пере дышка стояла пули в затылок. И бывало так: начинали толкать каток шестеро — семеро, а заканчивал кто-ни будь один.

Каждое утро после переклички заключенные должны были маршировать под наблюдением коменданта лагеря. Их заставляли петь нацистские песни. Не желавших петь выводили из строя и подвешивали на столб.

Место пыток в лагере Бухенвальд

Заключенных давили под грузом камней, поролы, мо рили голодом, кастрировали, увечили. Но и этого было мало фашистским извергам. Эсэсовец доктор Эйзлер пред ложил открыть производство дамских ридикюлей и абажуров из... человеческой кожи! Жене коменданта лагеря Ильзе Кох понравилась эта затея. Каждому отобранному доктором заключенному с оригинальной татуировкой при казывали явиться в определенное место, затем вели в крематорий, откуда он уже не возвращался. С умерщвленного сдирали кожу, которую затем обрабатывали химическим способом и изготавливали из нее абажуры, книжные переплеты, перчатки. Эта «продукция» составляла коллекцию Ильзы Кох. В архивах лагеря имеется документ, свидетельствующий о том, что эксперименты Ильзы Кох были хорошо известны фашистским верхам.

Особенно трудные условия в Бухенвальде создавались для советских военнопленных. Они содержались в огороженных колючей проволокой нескольких бараках большого лагеря. Их

заставляли выполнять самые тяжелые работы. На их раны и болезни не обращалось никакого внимания. Первое время в бараках советских военнопленных не было даже нар. Люди спали на голом полу. Работая по 14 часов в сутки, пленные получали 150 граммов эрзац-хлеба и менее литра супу. Как правило, военнопленные недосчитывали многих пайков, сотни людей оставались голодными по целым суткам и более.

По отношению к советским военнопленным в концлагере нарушались все правила и законы войны. Гитлеровцы убивали их непосильной работой, морили голодом, сжигали в крематориях и расстреливали, расстреливали без конца. И все же фашисты в какой-то мере были заинтересованы в сохранении части военнопленных для использования их на различных работах, особенно на военном заводе, расположенном вблизи лагеря.

Гитлеровцы зверски расправились с первой же группой советских военнопленных. Вот как это было.

Стоял серый сентябрьский день 1941 года. С севера на гору Эттерсберг надвигались тучи, дул пронизывающий холодный ветер. Всех заключенных выстроили перед главными воротами. Вначале никто не догадывался, зачем понадобилось собирать заключенных. До вечерней поверки оставалось еще несколько часов каторжного труда. Но вскоре все стало ясно. Вдали на дороге появилась колонна, шедшая под усиленной охраной. Двигалась она вдоль проволочного забора. Немцы, чехи, поляки, французы — очень многие выдавшие виды бухенвальдские узники с усилием скрывали слезы, наворачившиеся на глаза при виде скелетов в защитных гимнастерках. Конвоиры подгоняли пленных ударами прикладов и дубинок, начиненных свинцом. Но люди-тени старались держаться уверенно. На головных уборах-некоторых пленных заключенные увидели истертые звездочки. И тогда по рядам прошел шепот: «Штерн... Роте штерн...» (Звезда... Красная звезда...). Всем стало ясно, кто эти люди в зеленых гимнастерках.

Вдруг словно электрическим током ударило по рядам заключенных. Они увидели, что колонну пленных советских офицеров эсэсовцы повернули не к главным воротам, а к конюшне. И когда за последним пленным закрылись двери конюшни, на площади наступила могильная тишина. Руки многих заключенных потянулись к головным уборам. Но раздался окрик: «Запрещено!» А вслед за этим прозвучала команда: «Петь песню!» Эсэсовцы забежали вдоль рядов заключенных, щелкая затворами автоматов. Лишь где-то сзади послышался нестройный хор, и тотчас же из конюшни донеслись очереди автоматов, проклятья фашистам и стоны умирающих... Умерщвлено было 300 советских военнопленных.

По поводу использования русских военнопленных на работах поздней осенью 1941 года в лагерь пришел приказ генерал-майора войск СС Клодера. В нем говорилось, что «рейхсфюрер СС и шеф немецкой полиции объявил свое принципиальное согласие с тем, чтобы для тех русских военнопленных, привезенных из концлагерей, состояние здоровья которых позволяет их использовать на работе в каменоломнях, экзекуция может быть отсрочена. Но это мероприятие должно быть предварительно согласовано в принципе с шефом полиции безопасности и СД».

Ясно, о какой «экзекуции» идет речь в приказе. Всем советским военнопленным была уготована одна участь — могила.

Только в одной конюшне было убито 7200 советских военнопленных (подсчитано по количеству одежды). За один только 1944 год в подвале крематория фашисты по весили тысячу советских военнопленных. Главными палачами советских военнопленных были эсэсовцы — Тау фертгофер, Шедгер, Кенинг и другие.

Тела убитых в крематории превращались в пепел. А пепел всех сожженных в лагере заключенных, как это выяснилось на Нюрнбергском процессе, собирался и раз брасывался на полях в окрестностях Бухенвальда для удобрения почвы.

Сколько же ненависти к врагу, сколько веры в торжество своего правого дела надо было иметь, какой поистине неслыхаемой волей и отвагой надо было отличаться, чтобы при всех этих зверствах найти в себе силы для настойчивой подпольной работы.

ГРУППЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В октябре 1941 года в Бухенвальд была доставлена новая группа военнопленных, около 2 тысяч человек. Вскоре среди военнопленных возникло движение сопротивления. Оно особенно усилилось весной и летом 1942 года, когда в лагерь поступили новые партии военнопленных.

Наиболее активная патриотическая группа сплотилась вокруг сержанта-пограничника Николая Семеновича Симакова. В созданную им группу вошли в основном бойцы и молодые офицеры пограничных войск. У Николая Симакова к тому времени не успели зажить раны, полученные в боях. От невероятно тяжелых условий плена у него начался туберкулез легких. Как физически непригодного к каторжным работам, Симакова бросили в палату смертников.

Во что бы то ни стало спасти Симакова — такую задачу поставили перед собой его товарищи-пограничники. Они обратились за помощью к немецким, австрийским и чешским врачам — заключенным, работавшим в лагерной больнице. Особенно сочувственно отнесся к Симакову австрийский коммунист по имени Густав. Рискуя жизнью, незаметно для эсэсовских врачей он перевел Симакова в другую палату, с другим, придуманным для него диагнозом. Жизнь сержанта была спасена.

Сразу же после выздоровления Николай Семенович начал подпольную работу, вовлекая в нее тех, кого он хорошо проверил и с кем связал свою судьбу. Группа Николая Симакова действовала осторожно, но в то же время очень энергично. Военнопленные боролись, добивались, чтобы тот мизерный паек, который им полагался, доходил до них полностью. Но, естественно, главное внимание Симаков придавал задаче сплочения всех советских военнопленных, находившихся в концлагере, в единый боевой коллектив.

В этот же период подобные группы сопротивления образовались и в других бараках, где размещались советские военнопленные. Их возглавили офицеры Степан Бакланов, Александр Павлов, Михаил Левшенков и другие. Размещенные по разным баракам, они были изолированы друг от друга. Поэтому группы сопротивления действовали вначале разрозненно. Симакову, выполнявшему в лагере военнопленных обязанности санитара, представилась возможность посещать другие бараки. Он внимательно присматривался к людям, прислушивался к разговорам и убедился, что и в других бараках могли действовать патриотические группы.

Вскоре Симаков познакомился с Баклановым, Павловым и Левшенковым. Теперь их действия стали более или менее коллективными. Все больше и больше ядро группы сопротивления обростало активом из числа проверенных и наиболее стойких военнопленных. Комендатура лагеря, гестаповцы тоже не дремали, засылая в бараки агентов и провокаторов, чтобы внести в ряды военнопленных неверие в победу Советской Армии, посеять панику и тем самым подавить какие бы то ни было попытки к сопротивлению.

Летом 1942 года фашисты развернули широкую кампанию по вербовке военнопленных в нацистские формирования. Симаков решил собрать всех руководителей подпольных групп, чтобы договориться, как вести борьбу против вербовки. Состоялось тайное совещание актива подпольщиков, на котором были намечены меры по разоблачению вражеской агентуры.

Гитлеровцы между тем пускали в ход все средства воздействия — от уговоров и различных

обещаний до уменьшения и без того скудного пайка, избиений и расстрелов. Однако маленький коллектив советских подпольщиков в концлагере Бухенвальд сумел противостоять всяческим посулам, угрозам и издевательствам. Из 2 тысяч советских военнопленных в фашистскую армию записалось только 17 человек.

Помимо борьбы против вербовки в фашистскую армию, группы сопротивления вели агитацию, направленную на поддержание морального духа военнопленных, по возможности организовывали помощь наиболее ослабевшим товарищам, старались защитить хотя бы мизерные права, которые определялись нацистскими положениями о лагерях. Не раз участники этих групп подвергали себя опасности, требуя выдачи пайков в полной норме.

Было ясно, что даже для решения небольших задач нужно единое руководство. Назрела необходимость не только укрепить завязавшиеся связи между подпольными группами советских военнопленных, но и создать единую сплоченную организацию, Симаков отлично это понимал и соответствующим образом действовал. Он стремился сблизиться с руководителями антифашистской борьбы в Бухенвальде из числа немецких, чешских и других заключенных.

Еще весной 1942 года Симаков познакомился с чехом Кветославом Иннеманом и немцем Вальтером Бартелем, игравшими виднейшую роль в бухенвальдском подполье. И хотя Симаков был слишком молод, опытные коммунисты-подпольщики почувствовали в нем большую силу, непреклонную решимость бороться с врагом до конца.

— Мы — солдаты социалистической Родины, — говорил им Симаков, — и ведем борьбу с врагом с оружием в руках. И здесь нам также нужно оружие.

В этих словах советского патриота содержался призыв к вооруженной борьбе. Но нужно было еще очень многое сделать, чтобы вплотную подойти к решению такого вопроса. И прежде всего требовалось сколотить единый подпольный коллектив советских военнопленных.

Необходимо отметить, что Симаков быстро завоевал авторитет в среде советских военнопленных. В марте 1943 года он стал во главе руководящего центра русских подпольщиков. Яркую характеристику этому человеку дает немецкий коммунист Вальтер Бартель, бывший руководитель антифашистского международного центра в концлагере Бухенвальд. В одном из своих писем он рассказывает:

«...Руководство подпольной организации КП Германии в фашистском концлагере Бухенвальд поручило мне установить постоянную связь с находившимися в лагере советскими заключенными. В качестве представителя от советских военнопленных и по поручению их центра я встретился с Н. С. Симаковым.

С первого же дня Симаков произвел на меня впечатление серьезного человека, который осознал полностью ответственность и политическое значение возложенного на него задания.

Несмотря на большие сложности и постоянно возникающие трудности ведения нелегальной борьбы в лагере, Н. С. Симаков быстро ориентировался в складывавшейся в фашистском концлагере обстановке, при этом он тщательно проверял даже советы своих немецких товарищей. Как связной от руководства КПГ и интернационального центра в Бухенвальде, я был связан с советскими пленными и другими членами советского центра и имел возможность видеть, как товарищ Симаков в течение определенного времени завоевал в советском политцентре, благодаря своей ясной политической позиции и бесстрашному мужеству, высокий авторитет. Это, — пишет далее Вальтер Бартель, — так же полностью относится и к той роли, которую И. С. Симаков играл в интернациональном политцентре. Здесь многие совместные мероприятия проводились по его совету и инициативе. Товарищ Симаков не только отличный мужественный борец против фашизма, он был одновременно и отличным товарищем. И несмотря на свой молодой возраст, показал большое понимание

складывавшихся в отдельных национальных группах, существовавших в лагере, подчас трагических ситуаций... Личное поведение Н. С. Симакова служило примером как для группы советских заключенных, так и для других национальных групп и явилось демонстрацией высокой морали советских патриотов».

К такой характеристике трудно что-либо добавить.

Бартель и Иннеман старались сделать все возможное, чтобы обеспечить Симакову условия для создания сплоченного коллектива. Именно они подсказали, как и что для этого нужно делать в условиях бухенвальдского лагеря.

Немецкие антифашисты, брошенные в концлагерь еще задолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, уже с первых дней пребывания в лагере развернули подпольную борьбу с нацизмом. Теперь же, оказывая братскую помощь советским военнопленным в сплочении их разрозненных подпольных групп, немецкие товарищи передавали и накопленный опыт подпольной организации. Самым важным было, разумеется, обеспечить строжайшую конспирацию. У немецкой организации она достигалась, например, таким путем. Каждая низовая ячейка состояла из четырех человек и одного, руководителя, который знал только своих людей. Четыре — пять таких ячеек имели инструктора, а фактически командира. Последний соприкасался только с главным инструктором — единственным человеком, связанным с командиром, который возглавлял всю подпольную организацию. Каждая низовая ячейка не знала о существовании других, подобных ей ячеек в данном бараке. Случись провал — его последствия распространились бы только на ограниченное число лиц.

Советские военнопленные внесли немало нового в свою нелегальную организацию, более приблизив ее к воинской. Однако опыт немецких товарищей многое им подсказал при создании групп. Тот факт, что все усилия эсэсовцев нащупать нити немецкой подпольной организации не увенчались успехом, говорит об очень многом. Этот опыт бесспорно нашел свое отражение в той энергичной деятельности, какую развернули Симаков и его ближайшие соратники при сколачивании разрозненных групп сопротивления советских военнопленных в единое подполье со своим руководящим центром. Советские узники Бухенвальда никогда не забудут братской интернациональной помощи, оказанной немецкими антифашистами, возглавлявшимися такими коммунистами, как Вальтер Бартель, Эрнст Буссе, Гельмут Тиeman, Курт Кёллер, Роберт Зиверт и другие. Не забудут они также и помощи подпольщиков других национальностей.

Движимые беспредельной любовью к социалистической Родине, яростной ненавистью к гитлеровцам, полные стремления вырваться из фашистского плена и той кошмарной, кровавой каторги, какой был бухенвальдский лагерь, организаторы подполья приступили к сплочению своих рядов.

Летом 1942 года в садике санитарной части лагеря состоялось совещание руководителей групп. Совещание избрало свой центр, который возглавил Симаков. Бакланов был назначен руководителем военного сектора, Ногаец — политсектора, Павлов — сектора безопасности, Левшенков — руководителем сектора агитации и пропаганды и редактором подпольной газеты «Правда пленных».

После обмена мнениями центр выработал следующую программу действий: 1) систематически вести антифашистскую пропаганду и агитацию среди военнопленных; 2) расширять и укреплять интернациональные связи с политзаключенными различных национальностей; 3) организовать подрывную деятельность на военных предприятиях на которых применялся труд советских военно- пленных и граждан СССР, насильственно угнанных фашистами в гитлеровскую Германию; 4) готовить вооруженное восстание.

На этом совещании впервые возникла идея восстания. После тщательного обсуждения единогласно решено было готовить вооруженное восстание и приступить к Созданию подпольной

бригады. Это наиболее конспиративное дело поручили группе надежных товарищей. Так было положено начало образованию широко разветвленной подпольной организации среди военнопленных. Все хорошо понимали, что необходимо не только активное сопротивление, но и создание предпосылок для наступательных действий.

Члены руководящего центра внимательно изучили построение немецкого подполья, его военной организации. Но у немецких антифашистов была организация политических заключенных. Советское же подполье в лагере в основном формировалось из военнопленных, то есть людей, прошедших, хоть и небольшую, фронтовую школу.

Естественно, это накладывало свой отпечаток на структуру. В основу создания организации подполья, как уже отмечалось выше, был положен принцип военных формирований. Все участники подполья входили в те или иные группы и подразделения.

Необходимо отметить, что с весны 1942 года в лагерь стали прибывать большими партиями советские граждане, участвовавшие в антифашистских выступлениях в других лагерях, а также оказавшие сопротивление гитлеровцам на временно оккупированной территории. Среди прибывавших было немало военнопленных, приговоренных к заключению в концлагерь за попытки к бегству с работы. Многие из них прошли школу подпольной борьбы в других лагерях. В Бухенвальде они числились как политзаключенные. Как и у военнопленных, в их среде стали создаваться группы сопротивления. Одна из таких групп во главе с партизаном комсомольцем Василием Азаровым развернула широкую деятельность. Попав в лагерь в 1942 году, Азаров, как и другие политзаключенные, был послан на работу в каменоломню. Решив создать группу сопротивления он, естественно, стал искать связей с антифашистами. Ему удалось познакомиться с одним чешским коммунистом, который в свою очередь связал Азарова с руководителем чешской подпольной организации Иннеманом. Опытный подпольщик обратил внимание Азарова на то, что наиболее стойкие русские товарищи должны помочь тем людям, которые пасуют перед трудностями. Азаров учел этот важный совет. Он нашел единомышленников, из которых и организовалось ядро подпольщиков. В него вошли А. Васильчук (умер в 1945 году), Г. Крахмалев, И. Ашарин и другие.

Вскоре Василию Азарову удалось собрать их на совещание, где были распределены обязанности. Азарину поручили вести работу среди русских заключенных в каменных бараках, Васильчуку — в бараках малого лагеря, Ашарину — в деревянных бараках и т. д. Это был первый шаг к созданию руководящего центра подпольной организации советских политзаключенных.

Таким образом, параллельно с подпольной организацией военнопленных в лагере работала, правда, охватывая еще небольшое число людей, советская подпольная организация политзаключенных.

Симаков и другие члены центра догадывались о существовании групп сопротивления среди советских политзаключенных. Они стали осторожно искать пути для связи с ними, чтобы объединить свои силы. В этом Симакову помогли Бартель и Иннеман.

В марте 1943 года Симаков через Н. Тычкова, который, как и Азаров, являлся активистом среди русских политзаключенных, установил связь с их подпольным центром. Он встретился с Василием Азаровым. Единственно было решено слить обе организации. Тогда же договорились о новой, более широкой встрече. Она состоялась 15 марта 1943 года, ночью, в одном из барачных корпусов. Собрались: Н. Симаков, В. Азаров, С. Бакланов, М. Левшенков, И. Ногаец, А. Павлов, И. Ашарин, А. Купцов, Н. Тычков, А. Васильчук и В. Холопцев. Приняли решение создать единую подпольную военно-политическую организацию. Был избран ее центр, в состав которого вошли Н. Симаков (руководитель), В. Азаров, И. Ашарин, С. Бакланов, А. Купцов, М. Левшенков. Этот новый руководящий центр, представлявший теперь уже всю массу советских военнопленных и политзаключенных Бухенвальда, повел

подпольную работу значительно большего масштаба, чем прежние два разрозненных центра.

Усилилась деятельность по подбору новых подпольных кадров, составивших основу и военных формирований. При подборе кадров действовали, разумеется, крайне осторожно, тщательно изучая каждого нового заключенного из числа советских граждан.

Происходило это примерно так. Обычно после санитарной обработки вновь поступившие в лагерь заключенные направлялись в команду переводчиков, где вместе с немцами, чехами работали и русские, состоявшие в подпольной организации, в частности Н. Иванов. При заполнении анкет они старались запомнить основные биографические данные каждого вновь прибывшего. Часто такой опрос при заполнении анкеты вел член подпольной организации Н. Иванов. Являясь как бы официальным лицом, он, конечно, делал вид, что интересуется лишь теми вопросами, которые указаны в анкете. На самом же деле он узнавал значительно больше, чем требовала администрация. Так происходило первое знакомство с тем или иным новым заключенным.

Когда члены организации, начиная с тех, кто работал в команде переводчиков, и кончая руководителем центра, убеждались, что вновь прибывший — настоящий патриот и антифашист, с ним завязывался еще более откровенный разговор, ему оказывалась братская помощь. Если это был больной, то его старались устроить в больницу. Если просто сильно ослабевший, то добивались освобождения от тяжелой работы. Впоследствии такой заключенный входил в подпольную организацию. Случалось выявить и неблагонадежных людей, а то и провокаторов, засылаемых в лагерь. И горе было тому, кто поступался честью Родины, товариществом, кто, спасая свою шкуру, помышлял о предательстве.

Таким образом подполье всемерно расширялось за счет стойких, надежных людей. Все более ощутимым становилось его влияние во всех бараках и рабочих командах.

Подпольный центр распространял свое влияние и за пределы Бухенвальда, ведя систематическую работу в многочисленных филиалах этого концентрационного лагеря. Деятельность подпольщиков расширилась настолько, что встал вопрос о выделении представителей центра для руководства ею на местах. Решили включить двух членов центра — А. Купцова и И. Ашарина — в одну из крупных рабочих лагерных команд, так называемых транспортов. Их удалось ввести в состав команды, направляемой в город Кассель. В связи с этим потребовалось пополнить состав центра. На собрании актива решили ввести в центр вместо двух ушедших трех новых членов. Это были политработники Николай Федорович Кюнг, Сергей Дмитриевич Котов и кадровый командир подполковник Иван Иванович Смирнов.

Руководящее ядро объединенной подпольной организации состояло теперь из следующих товарищей: Н. Симанов — руководитель центра; С. Бакланов — руководитель военного сектора, отвечал главным образом за подбор военных кадров и заготовку оружия; И. Смирнов — командир объединенного русского отряда (все военные формирования); Н. Кюнг — руководитель отдела охраны и безопасности; М. Левшенков и С. Котов руководили политической работой: первый — среди военнопленных, второй — среди политзаключенных; Н. Павлов — ответственный за хранение оружия; В. Азаров — введенный в состав центра как комиссар одной из формировавшихся подпольных бригад, В таком составе центр вел работу до самого дня освобождения.

Общее руководство подпольной борьбой находилось в руках общелагерного интернационального антифашистского центра. Такой центр образовался в 1943 году во главе с Вальтером Бартелем. От русской секции узников лагеря членом этого центра стал Николай Симанов. В интернациональный центр входили К. Иннеман — от чешского центра, Марсель Поль — от французского и другие видные антифашисты, работавшие в бухенвальдском подполье.

ОНИ ВЕРИЛИ В ПОБЕДУ

Подпольная организация советских военнопленных явилась крепким ядром, вокруг которого объединились советские люди, попавшие в Бухенвальд и стремившиеся к активному участию в сопротивлении. Она сыграла большую роль в общей борьбе антифашистов различных национальностей.

Внутрилагерный режим с его тщательно разработанной охраной, казалось, ставил непреодолимые препятствия для ведения какой бы то ни было подпольной борьбы.

Надо было глубоко верить в победу, чтобы преодолевать эти препятствия. Ведь нити управления бухенвальдского лагеря, как и других подобных лагерей, тянулись из Берлина. Во главе лагеря стояли отборные эсэсовские головорезы. Комендант был доверенным лили палача Гиммлера. Один из отделов управления лагерем вел разведку, хранил фотографии заключенных, отпечатки пальцев. Отсюда засылались в среду заключенных агенты, провокаторы.

Так называемый отдел заключения ведал всей жизнью узников лагеря. Ведущую роль здесь играли три штурмбанфюрера — непосредственные руководители лагеря. Им подчинялся целый штат дежурных (рапортфюреры), которые следили за жизнью заключенных и проводили утреннюю и вечернюю переключку. Дежурным подчинялись блокфюреры, несшие ответственность за тот или иной блок. Каждый блокфюрер мог в любую минуту произвести в своем блоке обыск, поднять ночью заключенных с целью проверки.

Другой отдел управления ведал имуществом и строительством, имея в своем составе штат эсэсовских инженеров.

В ведении главного врача находился упоминавшийся ранее так называемый «гигиенический институт», совершавший злоешие эксперименты на заключенных. Главному врачу подчинялся и персонал ревира (больницы) для заключенных.

Лагерь охранялся эсэсовцами. Одно время число охранников доходило до 6000 человек. Подчинялась охрана лично коменданту лагеря.

Над всеми отделами управления лагеря царило гестапо, контролировавшее самих эсэсовцев. Оно определяло режим содержания заключенных, выносило смертные приговоры, которые приводились в исполнение специальными командами убийц.

В лагерном режиме было одно слабое место — самоуправление. К административной работе внутри лагеря привлекались сами заключенные, преимущественно немцы. Главная фигура самоуправления — старшина лагеря, так называемый лагерьэльтесте. Затем следовал подчинявшиеся блокфюрерам старшие бараков и комнат. Эсэсовским начальникам команд подчинялись старшие команд (капо) из числа заключенных.

Заключенные составляли основную массу врачей и медперсонала, несли службу в пожарной команде, во внутрилагерной полиции и т. д. Отдельные заключенные обслуживавшие лагерное начальство, имели даже доступ в квартиры эсэсовцев и в различные запретные для остальных узников места. Нацистские администраторы лагеря, хотя и создали строжайшую охрану, но не могли уследить за всем, что делается ночами в бараках, не смотря на засылку в среду заключенных шпионов и провокаторов.

Этим и объясняется, что подпольщикам удавалось путем всяческих ухищрений добиваться того, чтобы назначенные центром товарищи оказывались на тех или иных важных для дела сопротивления местах или включались в команды и транспорты.

Главное оружие нацистов было — смерть, смерть и смерть. Но и она не запутала людей

сильной воли. Самые ужасные способы умерщвления не смогли сломить силы коллектива, сплоченного идеей сопротивления, силы интернационального братства, в котором наши советские военнопленные играли достойную роль.

В условиях «лагеря смерти» приходилось всегда быть начеку, постоянно проверять тех, к кому идешь с намерением потолковать и кого еще плохо знаешь. В подобных условиях неминуемы отдельные ошибки. Но преодолевая трудности, исправляя ошибки, центр изо дня в день налаживал массовую политическую работу, имея в виду главную цель — сопротивление врагу.

При центре существовал политический отдел. Руководство политической работой возглавляли Котов и Левшенков, рука об руку с которыми работали Н. Исаков (умер в 1952 году), С. Швецов, В. Азаров, С. Берников, И. Левнев. Левшенков же, когда был смонтирован подпольный радиоприемник, обобщал полученные сводки Совинформбюро. Он продолжал редактировать подпольную газету «Правда пленных». При политическом отделе центра была группа связных, передававших сводки по цепи подпольщиков. Немалую помощь оказывал Левшенкову и Котову Бакланов, знавший немецкий язык.

Политический отдел имел прочную связь со своей сетью политработников. Конечно, связь конспиративную. Котов, например, когда были созданы подпольные подразделения, непосредственно имел связь только с комиссарами бригад, те в свою очередь знали лишь комиссаров батальонов, а последние — только их вышестоящих политработников и группу подчиненных информаторов, агитаторов и пропагандистов.

В условиях концлагеря строгого разграничения функций в работе подпольщиков быть не могло. Часто получалось так, что лица, выделенные агитаторами, выполняли задания, скажем, отдела охраны безопасности, и наоборот. Но обычно политработники имели определенные функции и старались всецело уделять внимание воспитательной работе среди заключенных. Сеть политработников насчитывала около 150 человек. Их усилия в первую очередь направлялись на то, чтобы поддержать моральное состояние военнопленных, убедить людей в неминуемом поражении фашизма, вселить в них веру в победу советского оружия. Для этого нужны были достоверные сведения о положении на фронтах, о жизни на Родине.

До того как Симаков и другие организаторы подполья установили прочные связи с немецкими антифашистами, приходилось использовать различные источники информации о положении на фронтах. Не брезговали даже сводками гитлеровской ставки, регулярно передававшимися по лагерной радиосети. Политработники подпольной организации умели разгадывать в фашистских рассказах о «новых победах» подлинное положение дел на фронте. Но вскоре появился другой источник информации, и заключенные все чаще и чаще стали слышать из уст агитаторов достоверные данные о ходе войны, ухудшающемся положении фашистской Германии и ее сателлитов. Тут большую помощь оказали немецкие антифашисты. Они тайно смонтировали радиоприемник и стали регулярно принимать передачи из Москвы. Раз в неделю Бартель делал на совещании членов центра подпольщиков обзор основных событий, Левшенков и активисты передавали эти сведения специально выделенным товарищам, которые и доводили радостные вести с Родины до широкого круга людей.

Недельные обзоры уже не могли удовлетворить запросы советских военнопленных и политзаключенных. Каждый жаждал новых и новых сведений о ходе Великой Отечественной войны. Центр подпольной организации, когда условия позволили, решил смонтировать свой радиоприемник. Такое задание получил военнопленный

Подпольная радиостанция

Леонид Драпкин (по лагерю Алексей Кравченко), не плохо знающий радиодело. В Бухенвальд он попал в октябре 1941 года с одной из первых партий военнопленных. Как и Симаков, Драпкин служил в пограничных войсках.

Узнав, что Драпкин разбирается в радиоделе, Симаков предложил ему попытаться смонтировать приемник. Драпкин работал в лагерной команде электриков и потому имел возможность выполнить полученное задание. Нашли потайное место в кочегарке, и Драпкин часами просиживал там, собирая радиоприемник. Ему помогали военнопленные А. Лысенко и В. Железняк. Наконец приемник был готов.

— Я слышал голос родной Москвы, — сказал Драпкин Николаю Симакову. В глазах его светились слезы счастья.

Симаков горячо обнял друга и от всей души поблагодарил. Это была большая победа подпольщиков. Трудно описать ликование руководителей центра, когда они по очереди, надев наушники, прислушивались к дорогим сердцу словам: «Говорит Москва!» Небольшой приемник связал советских людей в фашистском плену со своей Родиной. А хорошие вести с любимой Отчизны были самой действенной, самой лучшей агитацией.

По решению центра заведовать приемником был назначен опытный конспиратор Левшенков. Вместе с Драпкиным он регулярно принимал сводки Совинформбюро и передавал их Симакову, Котову и другим членам центра. Эти сводки по цепи политинформаторов распространялись среди заключенных.

Как это делалось? Обычно после вечерней проверки, когда люди, утомленные непосильным трудом в каменоломне и на других работах, расходились по своим баракам, определенные лица заходили к Симакову или Котову. Те передавали небольшой клочок бумаги с написанным текстом. Человек прятал его либо в специальный вырез в каблучке деревянных колодок и в швы одежды, либо клал комочек бумаги в рот, чтобы в случае опасности проглотить его. Так сводка Совинформбюро попадала в бараки, где находились военнопленные и политзаключенные. Но не всегда все шло гладко. Однажды произошел случай, который многому научил.

В лагерной больнице группу подпольщиков возглавлял упоминавшийся выше Тычков (ныне

работает инженером-механиком в городе Иваново). Он сначала был санитаром, а затем при содействии советских пленных врачей, работавших в больнице, стал их помощником. Одновременно он выполнял обязанности рассыльного (курьера), который в лагере назывался лейфером. Как медработник, Тычков_ имел право свободно, посещать любой барак и нередко заходил к Симакову за очередной сводкой Совинформбюро.

Случилось так, что врачи послали Тычкова в канцелярию за бумагой. Чтобы не тратить зря времени, он решил попутно зайти к Симакову, а если его нет, то к Котову. Получив сводку, он второпях не особенно на дежно спрятал ее и направился в канцелярию. Вдруг раз дался окрик дежурного эсэсовца: «Хальт!» Тычков за мер. Эсэсовец, схватив его за рукав, повел в комнату дежурного коменданта. Здесь находился гауптшарфюрер — заместитель начальника лагеря. На полу растяну лась его огромная овчарка. Собака смотрела на хозяина, словно ждала сигнала, готовая в любую минуту броситься на человека и растерзать его. Таких случаев в лагере было немало. Тычков стоял не шевелясь. Эсэсовцы о чем-то между собой разговаривали. Лишь не которые слова понял подпольщик. Гауптшарфюрер высказал свое недовольство по поводу того, что в лагере появились санитары из числа русских заключенных.

— А вот этот, — указывая на Тычкова, сказал он, — работает лейфером при больнице. Почему не согласовали со мной?

Тычков сдерживал себя, чтобы не выдать волнения. Стоило эсэсовцам обнаружить сводку Совинформбюро, и тогда... «А может быть, они уже знают, что я получил сводку у Симакова? Уж не донес ли какой-нибудь про вокатор об этом?» — подумал Тычков. Мысли его вдруг оборвал резкий окрик: «Раус!» (Вон!) Тычков не сразу сообразил, что свободен. Но, не выдавая волнения, быстро повернулся и вышел из комнаты дежурного лагерного офицера.

Придя в госпиталь, Тычков рассказал товарищам о случившемся. И когда он закончил, все с облегчением вздохнули. В самом деле, ведь, если бы обнаружила сводку, Тычкову грозила бы верная смерть, и не только ему одному: угроза нависла бы над другими членами подпольной организации. Фашисты знали одно наказание для русских — смерть.

Следует указать, что сам центр допустил ошибку, не выделив определенного лица для выдачи сводок Совинформбюро, полученных по радио. Вначале этим занимались все члены центра. Позднее стало ясно, что параллелизм здесь может только повредить, и распространение сводок по цепи информаторов было поручено лишь одному Котову. На первых порах нарушали конспирацию отдельные информаторы, громко читавшие сводки товарищам. Таких информаторов заменили более опытными подпольщиками. Принятые меры дали хорошие результаты.

Нередко бывало так. Котов вручал назначенному товарищу сводку для сообщения заключенным. Проходил час, другой, и политинформатор, до которого доходила сводка, потихоньку отзывал Котова в укромное место и тихим голосом говорил: «Наши взяли...» Следовало перечисление городов и населенных пунктов, освобожденных Советской Армией в боях с фашистами. И не видел в темноте тайный информатор улыбку того, кто внимательно его слушал. И не знал он, что эта же самая сводка уже побывала в руках Котова и хорошо им изучена.

Из дня в день, при постоянной угрозе смерти, со вершали свое благородное дело политработники подпольной организации. Они разогревали сердца тех, кого фашисты хотели одурманить своей лживой пропагандой, доводили вести с Родины до каждого, раскрывая картину героизма советского народа и его славной армии.

Трудно себе представить, что в гитлеровском концентрационном лагере, где непрерывно горели печи крематория, все шире и шире развертывала свою деятельность подпольная организация. В тяжелой лагерной обстановке советские люди отмечали день международной солидарности трудящихся — 1-е Мая, годовщину великого Октября, день

рождения В. И. Ленина.

В тот или иной советский праздник, после работы, поздно вечером, у входов в бараки выставлялись посты из числа подпольщиков. Внутри гасили свет, чтобы не вызвать никаких подозрений у эсэсовцев, то и дело про ходивших по лагерю, а также для того, чтобы в случае, если в бараке окажется какой-нибудь доносчик, он не смог бы видеть лицо оратора. Внешне лагерь как будто засыпал, а на самом деле почти в каждом бараке люди с большим вниманием слушали приглушенный голос докладчика.

«Товарищи!» — начинал политработник свое выступление. И это слово, как электрический ток, бежало от од ного к другому. Оно было близко сердцу русского и поляка, немца и француза. Заключение иностранцы многое не понимали из того, что говорил докладчик из политического отдела советской подпольной организации, охваченные торжественной минутой, они с особой сил чувствовали свою тесную связь с находившимися ряд советскими людьми. «Выше голову, товарищи!», «Не поддавайтесь унынию и страху!», «Мы должны выстоять и победить!» — шепотом передавались из уст в уста призывы политработника.

По ночам в тайных кружках члены подпольной организации проводили с заключенными беседы по истории Коммунистической партии Советского Союза. В качестве пособия появилась небольшая написанная от руки книжка, автором которой был комиссар формировавшейся подпольной бригады малого лагеря С. Бердников (ныне проживающий в Челябинской области). По памяти он воспроизвел основные этапы борьбы нашей партии, и, надо сказать, не только достоверно, но и достаток полно.

Подпольная организация ежедневно была в курсе фронтовых событий и всей жизни нашей страны. Так, например, когда по радио стал транслироваться новый Гимн Советского Союза, политработники через радиоприемник записали текст и многих ознакомил с ним.

Достаточно регулярно выходила в лагере военноплен ных подпольная газета «Правда пленных», которая пи салась от руки на бумаге формата ученической тетради. Редактор ее М. Левшенков и секретарь Е. Яльцев при активном участии членов подпольной организации Ю. Са пунова и С. Богданова делали все возможное, чтобы газета доходила до читателей, не нарушая конспирации. Авторский актив был довольно широким. Некоторые военнопленные начали писать даже небольшие художе ственные произведения. Их, конечно, не могла вместить подпольная газета из-за своего малого формата. При ходилось некоторые материалы, написанные в патриоти ческом духе, после соответствующей проверки Левшенко вым, Котовым и Симаковым просто передавать по це почке через сеть политинформаторов.

Нередко выпускались написанные от руки листовки. Содержание их было разнообразным. В них, например, содержались призывы не поддаваться провокациям фашистов которые пытались провести вербовку «добро-вольцев » в так называемую русскую освободительную армию (РОА) Листовки звали к борьбе, к выполнению долга советского воина и патриота. Листовки приуро чи вались обычно к 1-му Мая, годовщине великого Ок тября, Дню Советской Армии и другим праздникам.

Рисунок одного из узников Бухенвальда

Были в лагере свои художники. Например, много за рисовок с натуры, показывающих лагерную жизнь, сдѣлал художник А. Ханько. Он подружился с одним немецким антифашистом, находившимся в Бухенвальде уже много лет. Тот как-то заметил, что юноша в свободную минуту рисует на клочках бумаги, и решил помочь художнику. С огромным риском он добывал кусочки полотна, краски, тушь, обрывки различной бумаги. Своему юному русскому другу он говорил:

— Рисуи, обязательно рисуи, Саша. Пусть будет еще один обвинительный документ против гитлеровцев.

Массовая политическая и воспитательная работа проводилась в залагерных рабочих командах и среди детей. Да — детей, которых фашистские изуверы сажали за проволоку и издевались над ними. В основном это были дети партийных и советских работников, а также партизан. Фашисты вывезли их с оккупированной территории. Несколько тысяч маленьких советских узников томились за колючей проволокой. К концу войны из них уцелело лишь около 800 человек. Они размещались в бараке № 8 и работали как взрослые узники. Заключение в лагерь проявляло исключительную заботу о детях и помогало чем могли. В барак № 8 то и дело заходили люди в полосатой одежде, незаметно приносившие лишний кусок хлеба, кусочек маргарина.

Особенно много делали для детей заключенные В. Хоппе, Н. Задумов, Н. Иванов и Я. Гофман (по лагерю Никифоров). Они постоянно заботились о том, чтобы обеспечить детей питанием, обувью и одеждой, старались всякими путями облегчить участь маленьких узников. С помощью немецких подпольщиков, работавших в различных отделах лагеря, в том числе и в эсэсовской канцелярии, они изменяли в списках возраст детей, уменьшая его, спасая от тяжелых работ, часто добиваясь и освобождения от труда вообще.

Маленькие узники барака № 8 нуждались не только в одежде и питании. В кошмарных условиях гитлеровского лагеря смерти надо было продолжать воспитывать их в духе беспредельной любви к Родине. В этом отношении немало сделали Левшенков, Холопцев, Иванов и особенно полюбивший юных узников цирковой клоун Гофман (ныне работающий в Ростовском цирке).

Непосредственную помощь в налаживании подпольной учебы детей оказал еще один человек, которого хорошо знали заключенные. Около барака, где жили дети, часто появлялся обросший густой бородой седовласый старик. Это был учитель из Днепропетровской области — Никодим Васильевич Федосенко. Он и предложил вести уроки с детьми. Больше года работала школа, но гитлеровцы даже не подозревали о ее существовании. Да разве могло уместиться в эсэсовских мозгах, что полуодетые полуголодные дети хотели учиться? И тем не менее это было так. Подпольная школа работала. Старый учитель Федосенко занимался с ребятами чтением, письмом, счетом. Кюнг Н. Ф. преподавал историю и географию. И, конечно, это была прежде всего история и география советской Родины. Часть детей обучалась санитарному делу.

Прикрепленные к детской колонии члены подпольной организации старались, сколько возможно, отвлечь внимание малышей от ужасов лагерной жизни. Многие делали Гофман, умудрявшийся вносить в мрачную атмосферу «лагеря смерти» хотя бы каплю веселья.

С ребятами старшего возраста проводилась работа, находившая живой отклик в их сердцах. Как ненавидели они эсэсовскую сволочь, как рвались на волю, на Родину, мечтая вступить в ряды воинов, освобождавших Отчизну от фашистских захватчиков! И больше всего думали они о том, чтобы внести свой вклад в святое дело сопротивления здесь, в «лагере смерти». Когда наступил день восстания, то в массе заключенных, бросивших их на штурм эсэсовских казарм, можно было видеть и маленьких узников, старавшихся не отстать от взрослых.

Подпольная организация никогда не забывала своего интернационального долга, ведя политическую и воспитательную работу не только среди русских военнопленных и политзаключенных, но и среди иностранцев. Руководитель политического отдела Котов, комиссар бригады малого лагеря Бердников и другие товарищи составляли тезисы бесед, писали статьи, в которых пропагандировались идеи социализма и антифашистской борьбы. Эти статьи переводились на немецкий, французский и другие языки. Регулярно отмечались важнейшие революционные даты, близкие трудящимся всего мира, например День Парижской Коммуны — праздник, особенно сблизивший русских заключенных с французскими.

Характерен и другой пример интернационализма заключенных. В лагере находилась большая группа норвежских студентов. По поручению центра С. Бердников познакомился с одним из них. Юноша хорошо говорил по-русски. Бердников часто с ним беседовал, рассказывал ему об успехах советского народа и его героической борьбе на фронтах Отечественной войны. Этот студент в свою очередь проводил беседы среди своих друзей.

В конце 1944 года гестапо стало вербовать норвежских студентов в фашистскую армию. Но все студенты отказались стать предателями. Многих гестапо арестовало, пытаясь запугать, но безрезультатно. В этой победе норвежских студентов несомненно сыграла роль и пропаганда, которую вели советские подпольщики.

В результате политической агитации и терпеливой воспитательной работы ряды подпольной организации росли. Люди подымали головы, смело глядя опасности в глаза. Реже стали появляться настроения неверия безысходности. Вера в грядущее освобождение подымала изможденных людей на борьбу с ненавистным фашистским режимом.

ВЕРНЫЙ СТРАЖ ПОДПОЛЬЯ

Гестапо прилагало немало усилий, чтобы раскрыть подпольную организацию. Оно засылало к заключенным своих агентов и провокаторов. Поэтому, чем больше расширялась деятельность подпольной организации, тем острее становился вопрос об ограждении ее от

гестаповских агентов. И в этом большую помощь оказали немецкие антифашисты.

В свою агентурную сеть гестапо вербовало всяких проходимцев, людей без роду и племени, готовых продать мать родную и отца за лишний кусок хлеба. Они искали таких людей прежде всего среди уголовных элементов. В концентрационный лагерь попадали не только активные антифашисты. Сюда направляли уголовников-рецидивистов, носивших на одежде зеленый треугольник и получивших поэтому у заключенных название «зеленых». Гестаповцы, эсэсовская охрана искали среди них своих помощников и всячески их поощряли.

«Зеленые» одно время занимали важные командные посты. Они назначались старшими в бараках и рабочих командах, в полицию, состоявшую из самих заключенных, в обязанности которой входило обеспечение порядка на территории лагеря и в жилых помещениях. Пользуясь своим положением, уголовники издевались над политическими заключенными, стремясь доносами выслужиться перед эсэсовской охраной и таким образом удержать лагерные посты в своих руках. Все заключенные глубоко ненавидели, презирали таких людей и мстили им как могли.

Партийное ядро немецких антифашистов развернуло борьбу за то, чтобы оттеснить «зеленых», захватить административные посты в свои руки. Для этого потребовалось создать у отдельных офицеров СС впечатление, что если на различных лагерных постах будут находиться политические заключенные, а не «зеленые», то улучшится общий порядок и повысится дисциплина.

Длительная борьба с «зелеными» увенчалась успехом. К 1942 году почти все внутрилагерные административные посты находились в руках политзаключенных антифашистов, что имело огромное значение.

Кроме того, немецкие антифашисты еще в 1941 году создали специальную организацию по борьбе с провокаторами, руководил которой коммунист Рихард Гроссopf. В каждом бараке и каждой рабочей команде на ходились проверенные товарищи, информировавшие своего руководителя о всякого рода подозрительных лицах и тем самым предотвращавшие их подрывную деятельность.

Следует учесть, что советская подпольная организация была самой многочисленной и боевой. Вот почему международный центр принимал все меры, чтобы не дать проникнуть в ее ряды провокаторам. Советский центр, принимая помощь, долгое время опирался в охране безопасности на немецких антифашистов. Симаков нередко лично договаривался с Бартелем о необходимых мерах охраны подполья. Когда, например, политработники в юбилейные дни нашей Родины на тайных митингах выступали с докладами в бараках, немецкие или чешские антифашисты, проникшие во внутрилагерную команду по охране порядка (лагерьшутцы), бдительно несли вахту. Их, как официальных лиц, хорошо знала эсэсовская охрана, не подозревавшая, каких «помощников» в обеспечении внутреннего порядка имеет в их лице. Если появлялся подозрительный заключенный из зеленых или охранник СС, то об этом немедленно ставился в известность ответственный по бараку и собрание на время прекращалось. Бывало при этом и так. Подозрительный тип, появившийся возле барака, поскольку после определенного времени ходить по территории лагеря запрещалось, задерживался лагерьшутцами, на что они имели право. Его отводили в дежурную часть блок № 11 и держали там ровно столько, сколько требовалось, чтобы политработник закончил свой доклад. В случае же новой опасности митинг прекращался.

Создать свою надежную охрану подполья было очень трудно. Как уже подчеркивалось, к советским заключенным, в первую очередь военнопленным, в лагере относились особенно варварски. Их всячески изолировали от общей массы заключенных, запрещали назначать на какие-либо посты внутри лагеря, в полицию и другие административные органы. Вместе с тем гестапо применяло все средства, чтобы выявить среди заключенных активных участников сопротивления. Посреди лагеря был, например, установлен ящик, наподобие

почтового, в который каждый провокатор мог опустить записку с доносом. Правда, даже самые низкие предатели редко решались подойти к этому ящику, боясь разоблачить себя и подвергнуться суровой каре.

Преодолевая трудности, советский центр настойчиво налаживал свою сеть охраны безопасности. Этому, как и всему делу сопротивления, способствовали перемены происходившие на фронтах Великой Отечественной войны. Советские войска развертывали широкие наступательные действия. При отступлении гитлеровцы эвакуировали многие лагеря из прифронтовой полосы в глубь страны. Число заключенных, направлявшихся в Бухенвальд, непрерывно росло, а численность охраны сокращалась. Гитлеровцы все чаще стали включать заключенных, главным образом немцев, в состав обслуживающего персонала. Пост главного распорядителя лагеря был доверен заключенному Эриху Решке (ныне офицер народной милиции в демократическом секторе Берлина).

Немецкий коммунист Решке, став главным распорядителем, заменял одного за другим старших в бараках в соответствии с рекомендациями лагерного антифашистского центра. Постепенно удалось поставить многих подпольщиков на посты лагерьшутцев, санитаров-контролеров. Удалось наконец частично поставить на эти посты членов советской подпольной организации, что позволило успешнее решать задачу борьбы с проникновением в русское подполье агентов гестапо.

По мере укрепления подпольной организации, а особенно в связи с успехами Советской Армии в среде политзаключенных росли требования скорейших и активных мер сопротивления. Нередко можно было слышать такие разговоры: «Нам теперь нечего бояться. Надо действовать в открытую».

Руководящий центр не предусмотрел, как далеко могут пойти эти настроения. В день 1-го Мая 1944 года группа русских подпольщиков без ведома центра решила под видом прогулки провести нечто вроде демонстрации. К ней стали примыкать другие заключенные различных национальностей. Это стало известно международному центру, и он принял срочные меры, чтобы остановить начавшуюся демонстрацию. Трудно сказать, к чему бы она привела, если бы демонстранты напоролась на кого-либо из эсэсовских администраторов.

Момент для открытого выступления тогда еще не наступил. Враг, чувствующий приближение краха, мог немедленно воспользоваться теми или иными неосторожными действиями заключенных и уничтожить всех без исключения. Советский центр в дальнейшем сделал все, чтобы ликвидировать подобного рода настроения отдельных, не в меру ретивых людей. Политработники разъяснили, что для открытой борьбы нет еще нужных условий, необходимо тщательно готовиться к решительной схватке и, когда позволит обстановка, ударить по врагу внезапно.

Несмотря на все трудности, подпольная организация сохранила свои ряды, и ни в одно ее звено агентам гестапо не удалось проникнуть. В этом большая заслуга тех, кто обеспечивал охрану безопасности подпольной организации.

В мае 1944 года в советском центре организовался специальный отдел охраны и безопасности. Возглавлял его член руководящего центра Николай Федорович Кюнг. Его ближайшими помощниками были А. Павлов и К. Крокинский. В создании сети этого отдела сыграло большую роль то обстоятельство, что немцам тогда удалось убедить комендатуру в необходимости включить в состав внутрилагерных команд (пожарной, санитарной и других) заключенных иностранцев, в том числе и русских. В этом немалая заслуга старшины лагеря Эриха Решке.

Комендатура, правда, долго колебалась, но затем все же решила на некоторые лагерные посты ставить русских заключенных, чем немедленно и воспользовался советский центр. Он рекомендовал в команду лагерьшутцев наиболее стойких и активных подпольщиков, входивших в отдел безопасности. Среди них был военнопленный Георгий Маликов (в

настоящее время живет в Краснодаре) и Константин Крокинский (настоящая фамилия его Бородаенко). Последний был непосредственно связан с руководителями подпольных групп в ревире (больнице), немцами Отто Кипом и Эрнстом Буссе, с помощью которых проводил работы по спасению приговоренных к смерти заключенных. Русские подпольщики вошли в пожарную и санитарную команды, а также заняли другие административные посты. И всюду часть из них несла функции безопасности. Кроме того, в сеть входил уполномоченные отдела в каждом бараке.

Отдел охраны и безопасности вел довольно широкую деятельность. Он помогал центру в подборе кадров, выявлял солдат и офицеров для подпольных воинских соединений, вместе с группой товарищей, занимавшихся организацией подпольной работы в филиалах Бухенвальда, подбирал соответственно людей во внелагерных командах. Но главной обязанностью отдела являлась борьба с агентурой гестапо и эсэсовской комендатуры.

Однажды с группой французских заключенных в лагерь попал белоэмигрант. Чтобы выслужиться перед фашистами, он написал донос, в котором указывал, что дух большевизма витает во всех бараках, русские-де собираются группами и о чем-то беседуют. Когда предатели понесли письмо в комендатуру, его на полпути задержал один из подпольщиков-лагерьшутцев и привел в барак, где располагалась команда внутрилагерной полиции. Старший команды, также член подпольной организации, убедил белоэмигранта, что его письмо будет доставлено по назначению, что ему самому идти сейчас нельзя, так как по существующим правилам заключенному воспрещается в неурочное время ходить по территории лагеря. Письмо было передано в русский центр, и врага удалось обезвредить.

Товарищи из отдела охраны и безопасности помогли разоблачить и другого провокатора. Произошло это так. Обычно во время вечерних проверок отсутствие даже больного заключенного считалось большим нарушением, и эсэсовцы штрафовали весь блок. Товарищи из отдела охраны и безопасности заметили, что один заключенный почти никогда не являлся на проверку, а эсэсовская охрана как будто этого не замечала. Возникло подозрение, не провокатор ли тот, кто постоянно отсутствует на проверках? Удалось узнать его имя и фамилию. Работал он в таком месте, куда доступ был категорически запрещен. Установили за ним наблюдение. Оказалось, что эсэсовские охранники знали его в лицо и беспрепятственно пропускали через главные ворота.

Стало ясно, что в среде заключенных находится опасный человек. Об этом сообщили Симакову, который связался с международным лагерным центром, и таким образом все подпольщики были предупреждены об этом агенте. Через некоторое время немецкие антифашисты приняли меры, чтобы удалить его из лагеря. Товарищи, работавшие в канцелярии лагеря, добились включения его в одну из рабочих команд, и тот был вынужден уехать из лагеря.

Подпольщики, работавшие в качестве лагерьшутцев, были неусыпным оком всей организации. На их долю выпала нелегкая задача. В их обязанность входили, в частности, встречи вновь прибывших заключенных. Попробуй разберись в этой массе людей, не затесался ли в их среду враг. Тут требовалось знание людей, умение здраво судить о них. Часто, препровождая группу «новичков» от главных ворот до бани, а оттуда — в карантинные блоки, лагерьшутц в беседе то с одним, то с другим мог собрать первые сведения о некоторых прибывших. Трудно, конечно, распознать какого-либо фашистского агента. Бывали, правда, очень редкие случаи, когда это удавалось с первой же беседы.

Однажды осенью 1944 года руководителю отдела охраны и безопасности Н. Кюнг донесли, что в бараке 5 поселился подозрительный заключенный. Сопровождавший его лагерьшутц (член подпольной организации) рассказывал Николаю Федоровичу, что этот заключенный неохотно делился своим прошлым и путался в событиях. Кюнг дал указание подпольщикам, работавшим в камере хранения вещей, тщательно просмотреть всю его одежду. В одном из карманов обнаружили постоянный пропуск в комендатуру лагеря, находящегося в Рурской

области. В последующем было точно установлено, кто он такой. Он имел кличку Рева. Среди прибывших из того же лагеря, где находился этот агент, нашлись люди, которые узнали Реву. Этот предатель Родины, бывший кулак, попав в плен, пошел на службу к гестаповцам и погубил в разных лагерях десятки патриотов. В Бухенвальде предатель понес суровую кару. Такая же участь постигла и другого предателя Родины, некоего Бориса (фамилия неизвестна). По профессии он был художником и ходил к эсэсовцам рисовать портреты членов их семей. Подпольщики обнаружили у него список десяти активных участников советского подполья. Удалось установить, что эсэсовцы завербовали художника. Уже одно его угодничество перед фашистскими извергами вызывало гнев советских заключенных. Когда же точно установили, что он предатель, — судьба его была решена. Возмездие постигло еще одного предателя по имени Константин. По заданию гестапо он вел предательскую работу среди некоторых неустойчивых пленных, подыскивал себе соглядатаев, которые за лишнюю черпачку баланды сообщали ему шпионские сведения об отдельных активистах подполья. Немецкие подпольщики по возможности изобличили и этого негодяя.

Были отдельные случаи недостаточной бдительности, из которых один доставил особенно много тревог всему подполью Бухенвальда. Произошло это в августе 1944 года, когда было совершено злодейское убийство фашистами вождя немецких трудящихся Э. Тельмана. В лагере состоялись тайные митинги и собрания, посвященные памяти борца-антифашиста. Но однажды старшина небольшой команды (подпольщик), вопреки требованиям конспирации, провел собрание не в ночное время, а днем. Это была грубейшая ошибка, которая нанесла большой вред всему подполью Бухенвальда. Кто-то сделал донос о собрании, что как раз совпало с назначением в Бухенвальд свирепейшего из нацистских палачей — представителя политической полиции Кампе. Его агенты кое-что проведали о подполье.

В «лагере смерти» начались аресты. Гестаповцы взяли ряд немецких товарищей, в их числе и Решке, утрата которого особенно ощущалась всем подпольем. Вместе с другими эсэсовцы схватили двух членов советского подполья — Тимофея Савина и Григория Екимова. Дальнейшая судьба всей организации сопротивления зависела от поведения увещанных гестаповцами товарищей.

Подпольщики Бухенвальда усилили конспирацию. Не устанно несли вахту члены группы безопасности, предупреждая новые возможные провалы и ограждая организацию от проникновения сомнительных людей. Екимов знал всех членов советского центра и многие тонкости его работы. Центр разработал специальные мероприятия на тот случай, если Екимов не выдержит пыток и проговорится.

К великой чести всех увещанных гестаповцами подпольщиков, надо сказать, что ни один из них, несмотря на зверский допрос, не проговорился. Мужественное их поведение позволило сохранить основные кадры подполья. Захваченные гестаповцами Тимофей Савин и Григорий Екимов, как и немецкие товарищи, не проронили ни слова, могущего нанести вред делу сопротивления. Григория Сергеевича Екимова фашисты пытали несколько дней подряд. Ничего не добившись, они вернули его в лагерь. Товарищи помогли устроить его в больницу, но, замученный пытками, он вскоре умер.

Матерый фашистский палач Кампе продолжал аресты. Было видно, что, если не принять каких-то особых мер, он переберет основные кадры подполья. Тогда решили пойти на один очень рискованный шаг. Заключенные немецкие врачи по заданию международного центра ложно объявили, что в Бухенвальде началась эпидемия брюшного и сыпного тифа. Расчет был на то, что ни один из эсэсовских врачей не захочет лично убедиться в правильности этого заявления. Так и случилось. Ни кто из них не решился пойти в больницу и проверить, что делается в бараках. Факт эпидемии был всеми признан, а лагерь наложили карантин. В лагерь не входил ни один охранник. Это позволило выиграть время и полностью перестроить

подполье, заодно карантин помешал выйти из лагеря предателям, продавшимся фашистам. Они «умерли» от «эпидемии тифа».

Деятельность службы охраны и безопасности придавала уверенность участникам подпольной организации. В целях конспирации никто, кроме строго определенных лиц, точно не знал, какие именно люди подполья выполняют функции охраны безопасности. Но то, что такие люди есть, что они денно и нощно оберегают подполье, понимали все. Понимали, но и сами всегда были начеку. Эта бдительность заключенных сыграла огромную роль в борьбе с подрывной работой предателей, агентов и провокаторов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Человек, попадая в Бухенвальд, готовится к самым кошмарным испытаниям. Но вдруг чувствует какую-то заботу о себе. Какие-то неизвестные ему люди протяги вают руку помощи, подбадривают, а затем добиваются облегчения, позволяющего не только перевести дух, но окрепнуть, собраться с силами.

Облегчение участи заключенных, прежде всего тех, кто проявлял волю к борьбе с фашизмом, было одной из первых задач подпольных организаций в лагере Бухен вальд.

Редко кто из заключенных миновал каменоломню, где труд тяжелее лютой казни. Сюда попадали люди физически ослабленные, некоторые из них едва могли переставлять ноги. И таким людям давали кирки или ломы, заставляя на руках переносить тяжелые камни и тянуть вверх многопудовую вагонетку.

Не миновал каменоломни и военнопленный советский врач Л. Суслов. И вот когда уже, казалось, смерть стояла рядом, он почувствовал чью-то братскую руку. Однажды к Суслову подошел заключенный и тихо сказал: «Я вижу, вам совсем плохо. Завтра вас включат в строительную команду». Эти слова вызвали надежду выбраться из ада каменоломни. Уже на следующее утро Суслов убедился, что его номер действительно значится в списках строительной команды, соорудившей свинарник. Во главе команды стоял заключенный из числа немецких антифашистов. Он делал вид, что строго относится к своим подчиненным, временами покрикивал на них. Но стоило эсэсовскому охраннику отойти, как немедленно подавался сигнал к отдыху. При появлении охранника работа возобновлялась. Усталость после убийственного труда в каменоломне постепенно проходила. Силы, хотя и медленно, восстанавливались.

Вскоре Суслову снова удалось увидеть того заключенного, который обнадежил его в каменоломне. Это был уже известный читателю подпольщик Николай Тычков. На сей раз он сказал Суслову, что в скором времени его положат в лагерную больницу на лечение. Суслов действительно попал в больницу, под надзор немецких антифашистов, которые поставили его на ноги.

Вскоре после выздоровления Суслов стал работать в лагерной больнице, оказывая помощь заключенным. Он сблизился с одним чешским антифашистом, ведавшим в лагере выпиской справок на временное освобождение от различных работ. Через чешского товарища Суслов облегчил положение многим советским людям, оказавшимся за колючей проволокой.

В свое время и самому Тычкову антифашисты могли стать на ноги. Ему, работавшему в тяжелейших условиях, на строительстве военного завода, однажды вручили повестку явиться в больницу. Тычков вначале испугался, подумав, не получил ли путевку к смерти? Каково же было его изумление, когда после соответствующего опроса он вначале получил справку на освобождение от всех работ на пять дней, а затем был устроен в больницу на лечение. Здесь

Тычков и стал подпольщиком, выполняя вместе с другими русскими заключенными, устроенными на работу в больницу, задания центра по облегчению условий жизни нашим военнопленным и политзаключенным.

Постепенно советский центр с помощью немецких антифашистов, работавших в больнице (ревире), создал свою группу подпольщиков, специально занимавшихся временным освобождением от каторжных работ русских военнопленных и заключенных.

Советские врачи военнопленные Л. Суслов, А. Гурин, А. Карнаухов (умер в 1953 году), Г. Бойко и другие, назначенные в лагерную больницу, оказывали немалую медицинскую помощь заключенным. По заданиям центра они устраивали отдых тем, кто погибал от непосильного труда. Таких заключенных под видом тяжело больных определяли на стационарное лечение. Здесь они отлеживались, получая дополнительное питание. Временный отдых несколько восстанавливал силы совершенно истощенных людей. За 9 месяцев 1944 года более 800 русских заключенных получили временное освобождение от работы благодаря стараниям подпольной организации. В том же году примерно столько же человек получили медицинскую помощь. Все это убедительно говорит о том, каков был размах подпольной работы советских узников в Бухенвальде,

С громадным риском были связаны действия подпольщиков, направленные на спасение людей, которым грозила смерть. Вот заключенный приговорен к смерти. Избавление кажется невыносимым в лагере, специально приспособленном для того, чтобы убивать. Но вот какие-то подспудные силы совершают чудо: человек, обреченный нацистами, вдруг уцелевает. Так было, например, с руководителем советского подпольного центра в Бухенвальде И. Симаковым.

Весь сложный механизм подполья приводился в действие, если кому-либо из антифашистов грозила расправа. «Держись, друг, мы поможем тебе», — слышал приговоренный в ужасные минуты ожидания смерти. И помощь приходила. Конечно, в обстановке массовых казней спасти удавалось лишь одиночек.

Чтобы спасти товарища от верной смерти в условиях концлагеря, требовалась большая изобретательность и сметка. Центр русской подпольной организации, имевший крепкие связи с немецкими антифашистами, проникшими в канцелярию лагерного гестапо, заранее узнавал, кому из русских грозит смертная казнь. Такого заключенного клали в больницу под предлогом опасного заболевания. Мнимому больному давали номер кого-либо из умерших, а товарищи, работавшие в канцелярии гестапо, вносили соответствующие записи в регистрационные карточки. Спасенного немедленно включали в один из транспортов, выезжающих в какой-либо филиал Бухенвальда. Порой удавалось чуть ли не из-под носа эсэсовцев вырывать приговоренного к смерти.

Характерно в этом смысле спасение Ильи Михайловича Васюченко, проживающего ныне в Днепропетровской области. Он был приговорен к смертной казни. Времени для его спасения оставалось немного — только одна ночь. Он считал эту ночь последней для себя. Васюченко уже был вызван к «третьему окну». Все знали, что это такое. Путь от «третьего окна», где в последний заключенный слышал свое имя и фамилию, только один — в крематорий. В момент страшного отчаяния, когда перед глазами встала смерть, к Васюченко подошел Алексей Крохин и велел ему быстро одеться. Васюченко оделся и последовал за товарищем. Он не знал, куда и зачем его ведут. И вдруг он видит себя в госпитале. Врачи говорят ему, что он заболел тифом и что сей час его положат в комнату смертников. В ту же ночь «не стало» Васюченко. Вскоре под номером умершего заключенного он вышел из госпиталя, а затем был устроен в одну лагерную рабочую команду. Ряды подпольной организации пополнились еще одним активным товарищем.

Уже после освобождения Илья Михайлович писал своим друзьям: «Я шлю слова благодарности всем товарищам, которые в Бухенвальде спасли мою жизнь. Крепко хочу

пожать их мужественные руки».

Таким же путем был спасен 24-летний военнопленный комсомолец Дмитрий Егоров из Ленинградской области. Будучи доверенным лицом подпольной организации, он выехал с рабочей командой в один из городов, где организовал подпольную группу из 11 человек. Группа вывела из строя станки и моторы на авиазаводе. Гестаповцы заподозрили Егорова. Приговоренного к смертной казни, его вновь привезли в Бухенвальд. Как только стало известно, что Егорову грозит смертная казнь, подпольщики устроили его на «излечение» в лагерную больницу, и оттуда он вышел под чужой фамилией и другим номером, полный неукротимого желания продолжать борьбу с коричневой чумой.

Казалось, что могло значить на фоне массовых убийств спасение одиночек? Но спасти одну жизнь узника, жизнь товарища, тем более борца против ненавистного гитлеровского режима, — какое это поистине благородное дело! За 1944 год удалось спасти от верной смерти 26 человек.

Конечно, заветной мечтой советского заключенного было бегство из плена. Не удивительно поэтому, что так часто совершались попытки к побегу. Много зафиксировано случаев повторных побегов. Много советских людей погибло, предпочитая смерть неволе.

Из самого лагеря Бухенвальд совершить побег было невозможно. Шансы на побег появлялись, когда заключенный попадал в один из очередных transports, отправляемых за пределы лагеря. Центр советского подполья много внимания уделял организации побегов. Тщательно продумывался план побега, заключенный или группа заключенных обеспечивались картами, даже компасами, снабжались гражданской одеждой, похищенной в камере хранения вещей.

Так, подпольный центр специально включил в партию заключенных, направлявшихся в лагерную рабочую команду, группу подпольщиков во главе с военнопленным Петром Махурой. Подпольщики получили инструкции центра. Предусматривалось при удобном случае захватить вражеский самолет и прорваться на нем до передовых частей наступающей Советской Армии. Для этого в группу был включен летчик В. Васюков. Подготовительная работа, проведенная еще в лагере, а затем по прибытии в рабочую команду, позволила большинству этой группы осуществить удачный побег. Но поскольку транспорт был направлен на Запад, то убежавшим вместе с Махурой удалось достичь зоны, занятой союзными войсками.

Что касается военнопленного летчика В. Васюкова, то о нем до лагеря дошли вести: он также достиг цели. И все радовались этому. Но радость оказалась преждевременной. Как-то вечером в бараке отворяется дверь и на пороге появляется совершенно изможденный Васюков. Вероятно, эсэсовцы его в чем-то заподозрили и вернули в лагерь. За ним установилась слежка. Требовалось принять срочные меры для спасения Васюкова. Центр не замедлил это сделать. Подпольщики спрятали Васюкова в одном из барачных помещений, где находилось дизентерийное отделение. Эсэсовцы и близко боялись подойти к нему, опасаясь заразиться. Тут и прожил Васюков до дня вооруженного восстания в апреле 1945 года.

Другой побег был совершен недалеко от города Орденбурга, где гитлеровцы начали сооружение подземного военного предприятия. Сюда из Бухенвальда прибыла большая партия заключенных, среди которых имелось немало советских военнопленных, а в их числе — подпольщики. Они и занялись осуществлением побега. Особо проявил себя военнопленный Я. Мишуков. Он с особой тщательностью готовил каждый побег. С одной из групп он сам удачно вырвался из плена и добрался до наших действующих частей.

Конечно не все побеги заканчивались благополучно. Одних ловили тут же, других где-нибудь у линии фронта. Всем пойманым угрожала смерть. И тут снова на помощь приходила подпольная организация. Так было с военнопленными Цыгановым и Череванским. По доносу предателя они были арестованы. Под охраной их вернули в Бухенвальд на казнь.

Подпольщики немедленно заменили им номера. Через некоторое время их включили в рабочую команду, направляемую в Польшу. Там во время отступления гитлеровских войск оба удачно бежали из команды и присоединились к наступающим частям Советской Армии.

Не всех, схваченных во время побега, возвращали в Бухенвальд. Многих расстреливали на месте или отправляли на уничтожение в другие лагеря. Зверски расправились фашисты с военнопленным Иваном Квасовым, посланным с группой заключенных из Бухенвальда на одну из шахт в Зальцунгене. По заданию центра Квасов должен был организовать массовый побег. Исследуя с этой целью шахту, он наткнулся однажды на заваленный породой запасный выход. Началась тайная работа по очистке его. Не кирками и лопатами, а руками, сдирая ногти, очищали заключенные проход, метр за метром, приближаясь к цели. Побег приурочили к тому моменту, когда фашисты готовились препроводить ослабевших на работе людей назад в Бухенвальд, конечно, на уничтожение. В первую же ночь убежали семь человек, за ними еще десять. В течение трех дней из шахты убежало около 70 советских заключенных. Люди прятались в скирдах соломы, на чердаках заброшенных домов, в мусорных ящиках. Сам Иван Квасов погиб. Он уходил последним и был схвачен охранниками. Мужественного патриота фашисты расстреляли.

Следует учесть, что исход побега часто зависел не столько от обмана охраны на месте работ, сколько от того, удастся ли уйти от преследования. До чехословацкой границы, куда на соединение с партизанами стремились многие военнопленные, было сравнительно недалеко, около 100 километров. Но, как уже говорилось, из самого концлагеря бегство совершенно исключалось. Залагерные же команды, как правило, располагались значительно дальше от границы. Добраться до чешской границы было очень трудно. Известны случаи, когда при удачном массовом побеге только отдельным заключенным удавалось попасть либо к чешским партизанам либо к своим наступающим войскам. Остальных ловили и учиняли над ними зверскую расправу. Все это учитывалось при организации побегов. Особенно тщательно продумывались маршруты. И все же многим не удавалось достигнуть конечной цели.

Помощь заключенным, спасение обреченных на казнь, организация побегов свидетельствовали о нарастающей силе подпольной организации в Бухенвальде.

НА ФАШИСТСКОЙ КАТОРГЕ

Бухенвальдский лагерь был источником даровой рабочей силы для фашистской Германии. Большие группы заключенных гитлеровцы использовали на производстве. Условия для заключенных создавались такие, что работа фактически являлась одним из способов умерщвления людей. Та же казнь, только растянутая во времени и потому, быть может, еще более мучительная. Трудно обрисовать словами обстановку, в которой жили и работали советские военнопленные и политзаключенные на предприятиях нацистских рабовладельцев.

Более 60 филиалов имел бухенвальдский лагерь в разных местах Германии. В филиалах было занято подневольным трудом около 40 тысяч человек. Рабочие команды насчитывали от ста до нескольких тысяч человек каждая. Зная, как много советских людей постоянно находится в залагерных командах, центр принимал все меры к тому, чтобы наладить там подпольную работу. Специальная группа подпольщиков занималась организацией антифашистской работы в залагерных командах. Возглавлял ее Н. Сахаров.

В каждую залагерную команду включались, как правило, три подпольщика-функционера. Подбору их уделялось особое внимание. Ведь им приходилось вести подпольную работу в незнакомой обстановке, вдали от своего руководящего центра. Среди требований, предъявляемых к ним, были:

являемых к функционеру, было такое, которому не каждый мог соответствовать. Дело в том, что функционер проводя определенную работу, готовя, скажем, по заданию центра побег тому или иному заключенному или целой группе людей, сам не имел права совершать побега чтобы не оголять подполье в данном филиале. Лишь после возвращения в лагерь, если функционер считал себя подготовленным к побегу, его включали в какую-либо рабочую команду только с целью побега. Нарушение указанного требования кем-либо из функционеров рассматривалось как грубое нарушение дисциплины коллектива подпольщиков.

Каждого функционера перед убытием из лагеря тщательно инструктировали, он получал задания в зависимости от назначения той или иной команды. Один из тройки являлся старшим и нес ответственность за всю подпольную работу.

Как же действовал Сахаров в качестве руководителя группы, занимавшейся организацией подполья в лагерных командах? После того как поступали сведения об отправке из лагеря очередного транспорта, он сообщал центру, какую тройку из резерва можно послать с данным транспортом. Затем выделенные функционеры включались в список отбывающей команды. Связь с ними не порывалась, хотя, конечно, не могла быть регулярной. Сахаров периодически получал сведения о состоянии дел в той или иной команде и при первой же возможности давал тройке новые инструкции.

Связь с функционерами поддерживалась различными способами. В одном случае функционер добивался возвращения в лагерь, например, под видом тяжелобольного. В другом — он просился у старшего возвратиться в лагерь, чтобы привезти какие-либо вещи. Нередко из рабочих команд в Бухенвальд отправляли целые группы ослабевших людей. Среди них обязательно был и кто-либо из функционеров. Так или иначе, всегда находились пути для связи с лагерем, а следовательно, и с центром подпольной организации.

Вся работа подпольщиков-функционеров велась в тесном контакте с немецкими, чешскими, польскими и другими антифашистами. Вот один из конкретных примеров. В июне 1943 года в Лейпциг вместе с очередным транспортом заключенных выехало 14 функционеров-подпольщиков во главе с военнопленным лейтенантом П. Низовцевым. Работая на авиационном заводе фирмы «Эрла-Верке Мессершмитт», они установили связь с немецкими антифашистами, этого завода и совместно проводили саботаж. Через одного немецкого товарища удалось связаться с лейпцигским подпольем. Немецкие антифашисты оказали большую помощь нашим людям в продуктах питания и в организации побегов.

Наиболее боевой состав функционеров подбирали для команд, имевших крупные группы заключенных. Это были люди сильной воли и отличные конспираторы. Среди таких функционеров можно, например, назвать кадрового офицера артиллериста В. Смирнова (ныне работает в Омске). Он принадлежал к той категории военнопленных, которых в Бухенвальде содержали в особых условиях. Их ни под каким видом не разрешалось включать в какие-либо лагерные команды. Но Смирнов горел желанием вырваться из лагеря. Тогда подпольщики, работавшие в больнице, положили его в отделение для тяжелобольных. Здесь ему заменили номер. А дня через два он выехал с рабочей командой на один из авиационных заводов. Под руководством Смирнова был хорошо налажен саботаж.

Иногда из Бухенвальда направлялись вместе с большими партиями заключенных десятки функционеров. Так, в один из филиалов было направлено 75 функционеров, можно сказать, целая подпольная организация, причинившая немалый вред фашистскому производству.

Центр русской подпольной организации был связан с десятками городов Германии, где находились советские военнопленные и политзаключенные бухенвальдского лагеря. Центр направлял работу подпольщиков, делая основной упор на саботаж, поскольку филиалы Бухенвальда создавались на различных предприятиях, непосредственно обслуживавших нужды фашистской армии.

Среди советских военнопленных, работавших на производстве, популярным было, слово «помаленьку». Это слово призывало к постоянному, всестороннему и повсе местному саботажу. Претворялся он в жизнь людьми решительными, энергичными, технически подкованными. Таким был, например, военнопленный Борис Даниленко, ныне проживающий в Полтавской области. Он возглавлял всю работу по проведению саботажа. Являясь уполномоченным центра, он в свою очередь опирался на своих уполномоченных, проводивших подрывную работу в цехах завода «Густлов-Верке» и на строительстве заводов, предназначенных для выпуска управляемых снарядов ФАУ-1 и ФАУ-2.

Смысл лозунга «помаленьку» был куда более грозным, чем может показаться на первый взгляд. Подпольщики на заводе «Густлов-Верке» делали простую вещь — пу скали сверлильные или токарные станки на холостой ход. Мастер, обслуживавший несколько участков, не мог этого заметить. Как только он показывался вблизи, станок немедленно переводился в рабочее состояние. Большим выдумщиком по части саботажа был под польщик Б. Сироткин. Сколько ненависти к фашистам вкладывал он в это дело! Вместе с Даниленко и другими подпольщиками Сироткин придумал хороший способ са ботажа.

В цехе завода, где изготовлялись пулеметные и винтовочные стволы, на стендах всегда имелось много спе циального порошка для притирки стволов винтовок. Этот порошок подпольщики насыпали в баки с маслом, кото рое шло для автоматической смазки станков. Смазка приводилась в негодность, отчего сильно нагревались подшипники станков, то и дело их приходилось останав ливать для охлаждения. Кроме того, порошок вместе с эмульсией попадал на рабочую часть сверла, которым обрабатывался ствол винтовки. От этого инструмент бы стро выходил из строя. Конечно, заключенный, работав ший на станке, знал, в чем дело, но как ни в чем не бывало он обменивал сверло на новое. Через определен ное время и новое сверло либо выходило из строя, либо делало брак при сверловке. Подпольщики старались как можно больше портить винтовочные затворы, прицель ные рамки и мушки.

О размерах саботажа «помаленьку» на заводе «Густ лов-Верке» говорят следующие факты. Однажды только из недельной продукции было забраковано 1200 винто вок. За 6 месяцев 1944 года на завод возвратились для переделки 5000 винтовок. Но много недоброкачественного оружия ушло в фашистскую армию.

В цехах другого завода, принадлежавшего фирме «Сименс-Шуккерт-Гальске», изготовлялось электрообо рудование для снарядов ФАУ-1 и ФАУ-2. В отделении индукционных катушек вследствие саботажа брак про

дукции достигал 30—40 процентов, В обмотке производи лись обрывы нити проволоки и повреждалась изоляция. Искусно проводился саботаж на одном из складов оптических приборов. При помощи обыкновенного меди цинского ширина внутрь сложных механизмов впрыскива лась серная кислота. Снаружи прибор выглядел нормаль ным, но кислота со временем делала свое дело — в гит леровскую армию поступали негодные приборы.

Не все и не всегда проходило гладко. Так однажды, когда продукция многих месяцев — сложная аппаратура для управляемых снарядов — была почти полностью воз вращена, на завод прибыла специальная комиссия для расследования причин брака. Над подпольщиками на висла серьезная угроза. И трудно сказать, чем могло бы закончиться дело, если бы 24 августа 1944 года союзни ческая авиация не подвергла бомбардировке военные предприятия Бухенвальда. Следы диверсии были сме тены взрывами авиабомб.

...В июне 1943 года жители Лейпцига увидели на ули цах большую колонну людей в полосатой одежде. Это под усиленной охраной пригнали советских военноплен ных на расположенный вблизи города авиационный завод фирмы «Эрла-Верке Мессершмитт». Производственный процесс здесь был построен с расчетом выматывать из людей последние силы. Между тем питание оставалось такое же, что и в лагере. Рабочий день продолжая 12

часов.

Чтобы не допустить саботажа и диверсий, гестапо расставило на все участки доверенных людей из уголовных элементов. Но прислужникам фашистов не удалось сломить боевой дух сопротивления заключенных.

И то, чего так боялись фашисты, началось буквально с первых же дней, когда на завод прибыла, большая группа заключенных из Бухенвальда. Функционеры из подпольной организации советских военнопленных и политзаключенных установили связи с немецкими антифашистскими группами и стали действовать совместно с ними.

Каковы были эти действия, можно видеть на следующем примере. Администрация решила путем ускорения движения конвейера увеличить выпуск крыльев для самолетов. Но заключенные, работая «помаленьку», не успевали заканчивать весь процесс сборки. В результате крылья выходили с большими недоделками. Требовалось вновь запускать их на конвейер. Никакие репрессии не смогли заставить людей работать быстрее. Наоборот, брак увеличился. К тому же много крыльев, которые отбраковывались для монтажа машин, возвращалось на доделку. В итоге вместо 14—16 крыльев в сутки с конвейера едва сходило 6—7 штук. Администрация и надсмотрщики из эсэсовских молодчиков и заключенных уголовников зверски избивали людей. Но это еще больше вносило разлад в производственный процесс. Люди, обессиленные от голода и систематических избиений, целыми группами выходили из строя. Свежее пополнение сразу не могло освоить процесс сборки, и темп работы снижался, а следовательно, снижалась и выработка продукции.

Администрация завода потребовала от коменданта концлагеря Бухенвальд прислать новую партию людей, чтобы организовать вторую смену. Но этого не удалось сделать. Лагерный антифашистский центр к тому времени организовал симуляцию «распространения сыпного тифа» в бараках, и комендант наложил карантин на лагерь, не допустив выезда людей из него. Более 450 отбывших в рабочую команду заключенных осталось на месте. Лишь через две недели сняли карантин. А в это время авиационный завод подвергся бомбардировке союзнической авиацией. Началось восстановление разрушенных цехов. Военный заказ был сорван.

Заключенные, работавшие в разных командах на этом авиационном заводе, хорошо знали о делах друг друга. Связь между ними поддерживали функционеры И. Фомичев, Л. Закурдаев, В. Андреев и другие. Подпольщики, полные решимости бороться до конца, не щадили фашистам любыми способами, не останавливаясь ни перед какими угрозами. Сплоченность и единодушие были таковы, что на протяжении 1943—1944 годов не случилось ни одного провала в подрывной деятельности подпольщиков.

Фашисты в ответ на саботаж жестоко избивали заключенных, отправляли в штрафные бараки, где по нескольку суток оставляли их без пищи. Если бы не помощь товарищей, которые отдавали часть своего пайка, вряд ли кто из таких штрафников мог выжить хотя бы неделю. И несмотря на все эти ужасы, борьба, упорная, ожесточенная, продолжалась и нарастала изо дня в день.

Известно, что, опасаясь авиационных налетов, нацисты строили военные предприятия под землей, иногда используя соляные или заброшенные угольные шахты. В одной из таких шахт на строительстве завода было занято 500 заключенных. Люди попали в каторжные условия. Но и здесь представители подпольной организации сумели сколотить крепкое ядро антифашистов. Постепенно под их влиянием оказалась почти вся рабочая команда. И вот итоги: заключенные должны были ежедневно бетонировать не менее 250 квадратных метров площади для будущих подземных цехов, а фактически бетонировали менее 40 метров, да и то с большими дефектами.

Можно привести много примеров самоотверженной работы советских узников Бухенвальда, направленной на подрыв фашистской экономики. Это была организованная деятельность,

которая велась по указаниям подпольного центра.

Советские подпольщики наносили довольно ощутимый урон врагу. И это объединяло их с теми миллионами советских людей, которые на фронте и в тылу ковали победу над гитлеровской Германией.

БОЕВЫЕ ГРУППЫ „М“

Победы советских войск на фронтах Великой Отечественной войны вызывали подъем антифашистского движения. Участились побеги военнопленных из лагерей, усилилась борьба советских людей, насильственно угнанных гитлеровцами на принудительные работы в Германию. Но и в последний год войны в лагере смерти не угасал огонь в печах крематория. На вышках днем и ночью дежурили эсэсовцы.

В январе 1944 года состоялось заседание центра под председательством Н. Симакова, посвященное формированию подпольных подразделений для ведения вооруженной борьбы. Присутствовал немногочисленный актив из числа военнопленных, преимущественно офицеров. Было решено усилить работу по созданию боевого отряда с таким расчетом, чтобы охватить как можно больше советских военнопленных и политзаключенных.

На этом заседании выделили ответственных за подготовку боевых подразделений: И. Смирнова, Б. Назирова и других кадровых офицеров Советской Армии.

На совещании речь шла о создании небольших боевых групп в составе четырех — пяти человек. В целях Конспирации эти группы еще раньше у немецких антифашистов получили наименование «М». Каждая группа являлась ядром отделения. Несколько групп «М» составляли взвод, три взвода составляли роту, три роты — батальон, три батальона — бригаду. Таким образом, создававшиеся подразделения были близки к армейским. Каждый входивший в группу «М» подпольщик знал только товарищей по группе и своего ближайшего командира. Правда, в дальнейшем, когда развернулась подпольная боевая учеба, эта конспирация в отдельных звеньях не сохранялась. Люди подполья все больше сближались, и состав той или иной группы в ряде случаев уже, конечно, не становился секретом для своих верных друзей.

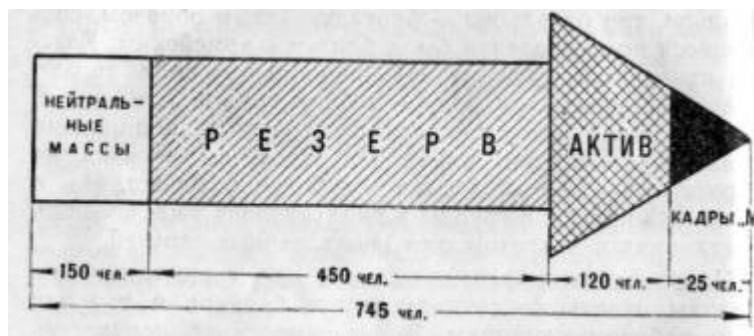
Подразделения формировались преимущественно по баракам, отдельным секциям внутри барачных и тем или иным рабочим командам. В зависимости от количества заключенных, проживавших в бараке или в команде, а также от степени проверенности людей, из числа которых производилась вербовка в боевые группы, взводы или роты имели различное количество людей. Прежде чем включить в боевую группу «М», заключенных тщательно изучали, проверяли. Затем постепенно приобщали к выполнению подпольных заданий. Лишь после этого их включали в группу «М», а через определенное время товарищам сообщали об этом.

Приведенная схема позволяет уяснить, как происходило формирование боевых групп «М». В данном случае взят барак № 44, когда в нем в конце 1944 года уже имелись кадры «М» в количестве 25 человек. Это были командные кадры формировавшегося в бараке подпольного батальона — сам командир батальона, командиры рот, взводов и отделений. Командира батальона знали только командиры рот.

25 заключенных, проживавших в бараке № 44, на званы на схеме активом. Они составляли опору подпольной организации. Любой из актива выполнял задания или отдельные поручения.

Остальные заключенные барака № 44 относились к резерву. Они также были проверены и заслуживали доверия, намечались в ту или иную боевую группу «М», однако в отличие от актива товарищи из резерва не получали заданий подпольного характера.

Лишь незначительная часть заключенных барака названа на схеме нейтральной. К ней относились те, кого еще не сумели полностью проверить. Естественно, что

довериться им в таком деле, как подготовка к вооруженному восстанию, было рискованно, хотя, несомненно, среди них имелось много смелых, решительных людей. Подполье есть подполье: не узнав как следует человека, нельзя налаживать тайные связи с ним.

Весь батальон, созданный в бараке № 44, насчитывал несколько сот человек.

Командиром батальона в бараке № 44 являлся В. Логунов, которого товарищи знали как хорошего боевого начальника, патриота Родины. В других бараках командирами были Г. Черный, Б. Мураховский, С. Лукашов, В. Калугин, П. Ермаков и другие, тоже зарекомендовавшие себя как смелые подпольщики и знающие военное дело люди. Командиры непосредственно создавали боевые группы «М», из которых формировались взводы, роты и батальоны. Командир батальона в своем бараке подбирал командиров рот, а последние — командиров взводов, которые в свою очередь подбирали младших командиров.

Конечно, нельзя забывать, что речь идет не о каких-то регулярных военных формированиях. Наименования «взвод», «рота» и т. д. были в большой мере условными. Ведь все происходило в глубоком подполье. Кроме того, участники боевых групп «М» были истощены. Многие от пережитых лишений, страданий и ужасов сомневались в том, дотянут ли до счастливого дня освобождения. Но всех их объединяло стремление к вооруженной борьбе с врагом, к свободе, мечты о возврате на любимую Родину и неиссякаемое чувство гнева против фашистских палачей. Такое стремление поистине преображало людей, даже тех, кто, казалось, находился на пороге смерти.

К 1945 году в бухенвальдском подполье было уже четыре русские бригады. Первая из них была создана в лагере советских военнопленных еще в 1942—1943 годах. Центр подпольной организации поручил создание этой бригады офицеру Советской Армии С. Бакланову. Он и стал ее командиром. Остальными бригадами тоже командовали офицеры: Б. Назиров — бригадой, названной «каменной» (ее личный состав проживал в каменных бараках); В. Рыков — «деревянной» бригадой (из деревянных бараков), позднее его заменил Б. Бибик; С. Пайковский (Швецов) — «малой» бригадой, сформированной в малом лагере. Подполковник И. Смирнов, член центра подпольной организации, являлся командиром всех четырех бригад, то есть командиром подпольного объединенного отряда русских, заключенных в Бухенвальде.

В начале 1945 года весь коллектив советских подпольщиков в концлагере представлял собою боевое объединение людей, готовых выступить на штурм твердынь эсэсовской охраны. Был создан штаб отряда во главе с К. Карцевым. Правда, многие штабные функции выполнялись подпольщиками и до того. Характерна в этом смысле деятельность разведки, которой руководил Карцев. Она собирала сведения о численности и вооружении воинских

частей, расположенных вблизи лагеря. Кроме того, поскольку имелись данные, что концлагерь, помимо проволочного ограждения с вышками и установленными на них крупнокалиберными пулеметами, был окружен оборонительной линией с огневыми точками, требовалось выяснить, сколько их и какова сила их огня. Разведка устанавливала точное расположение эсэсовских казарм, внутреннее их устройство, места складов оружия и т. д.

В целях разведки использовалась малейшая возможность что-либо видеть и наблюдать. Иной раз человек, выделенный на разведку, специально входил в команду по уборке территории около казарм. Подметая мусор, он осматривал казарму, стараясь запомнить все детали например, внутрь или наружу открывается входная дверь, примерные размеры окон, примерную высоту от земли до первого и последнего этажа.

Для мытья полов внутри казарм эсэсовцы вызывали специальные рабочие команды из лагеря. Это также использовалось для разведки. Как правило, в такие команды включались члены подпольной организации. Они изучали внутреннее устройство помещений, по количеству коек устанавливали, сколько в казарме или хотя бы на одном ее этаже находится солдат. Изучался каждый уголок эсэсовского городка. Впоследствии были изготовлены чертежи зданий этого городка с указанием примерных размеров в шагах.

Эсэсовские охранники на вышках не спускали глаз с лагеря, готовые при малейшем нарушении порядка открыть огонь, что неоднократно они и делали. Были случаи, когда доведенный до отчаяния заключенный выходил за пределы черты, дальше которой запрещалось приближаться к проволочному ограждению, и с вышки немедленно раздавалась пулеметная очередь. Это, конечно, осложняло ведение разведки. Но разведчики не спускали глаз с охранников, присматривались, когда меняются посты, какое они имеют вооружение, кроме пулеметов.

Разведка велась в содружестве с антифашистами других национальностей, также имевших свои подпольные военные формирования. Частенько можно было видеть, как заключенный чех Ян Геш неторопливо подправлял грядки на огороде у самой колючей проволоки. Ему разрешалось проходить в эту запретную зону. Гешу часто помогал кто-либо из русских заключенных, часто здесь бывал И. Смирнов. Ян Геш успешно совмещал обязанности агронома с обязанностями командира чешской боевой подпольной бригады. Ян Геш и Смирнов изучали подступы к проволоке и намечали места прорыва.

Собранные разведкой данные тщательно изучались, Однако этих данных было недостаточно. Требовалось раздобыть карту района, где предполагалось развернуть боевые действия. Это поручили Н. Сахарову, который работал над картой вместе с Ю. Ждановичем. Подобное задание в условиях концлагеря казалось почти невыполнимым. Ведь для того, чтобы изготовить и размножить карту, надо было добыть оригинал. Немало усилий потратили на его поиски.

Немецкие товарищи, работавшие в канцелярии геостапо, пробовали достать одну из карт. Но они хранились в сейфе. Тогда Сахаров обратился за помощью к заключенному чеху, имевшему доступ в квартиру дежурного эсэсовского офицера. Чешский товарищ выкрал одну карту из какого-то журнала. Член подпольной организации Анатолий Ереско сумел достать еще один оригинал. Затем на втором этаже 48-го барака соорудили небольшую камеру для светопечати и, раздобыв светочувствительную бумагу и химикаты для проявления, начали печатание карт.

Вокруг барака выставлялись специальные посты из числа подпольщиков. Печатание начиналось тогда, когда все заключенные выходили из барака, кроме дежурных, которыми назначались также члены подпольной организации. Для хранения «фото-картографии» сделали специальные тайники в стенах барака, о которых, кроме Н. Сахарова, Ю. Ждановича и отдельных членов центра, никто ничего не знал.

Изготовленными картами снабдили не только командный состав русской подпольной

организации, но и руко водящих товарищей из международного лагерного ан тифашистского центра.

Несомненно, самым сложным делом являлась заго товка оружия. Исподволь заготовка шла давно, но осо бенно широко она развернулась с начала 1944 года.

Советские военнопленные, которые работали в цехах различных военных предприятий, и прежде всего на за воде «Густлов-Верке», с риском для жизни утаивали от дельные части пистолетов, винтовок и, под носом у ох раны, проносили их в лагерь. Люди ухитрялись ловко обманывать охрану. Например, боевые пружины для пистолетов вкладывались в специально выдолбленное отверстие в каблуке деревянной обуви. В прорези на по дошвах закладывались бойки или другие части.

Но как пронести ствол пистолета, тем более вин товки? И здесь нашли выход. Для тех, кто работал в цехах, пища подвозилась в бачках на тележках. Этим занимались специальные рабочие команды, имевшие в своем составе членов подпольной организации. Доставив бачки и раздав суп, подпольщики часть супа оставляли на дне. В эту оставшуюся жижу клали пистолетный ствол, аккуратно завернутый в тряпку. Затем надо было пройти с тележкой ворота, не вызвав подозрений у охраны.

...Руки крепко держат тележку, надо везти тихо, чтобы не стучал внутри бачка драгоценный груз. Но вот и эсэсовцы. Они расходятся по сторонам, пропуская заключенного и лишь взглядом окидывая его одежду. А тот идет размеренным шагом, как будто не замечает своих врагов. Еще один шаг — и тачка уже проехала ворота. Главное сделано! Теперь оставалось доставить похищен ное оружие к тайнику, где оно пряталось. Это тоже требовало смелости и сметки.

Оружие подпольщиков

Гораздо труднее оказалось проносить стволы винто вок. Бачки здесь негодились. Тогда решили действовать таким образом. Почти ежедневно в каменоломне или в цехах завода умирали люди. Трупы умерших достав лялись заключенными на телегах в крематорий. На этих- то телегах и провозили стволы винтовок. Их клали в солому под трупами. Ничего не подозревая, охрана про пускала такую процессию через ворота.

Использовали еще один способ доставки отдельных частей оружия. Из различных карьеров, расположенных за лагерем, заключенные возили в телегах стройматериал на территорию лагеря. Похитив стволы, приклады или другие части винтовок, подпольщики прятали их в услов ленном месте. Те же, кто перевозили стройматериалы, брали эти части оружия и клали на дно телеги, засыпая сверху камнями или щебнем.

Особенно много отдельных частей оружия проносили: военнопленные Б. Сироткин, И. Романенко, А. Юдин и Ландышев. Только один Ландышев пронес в лагерь столько деталей, что из них можно было собрать пять винтовок.

Раздобыть и доставить в лагерь отдельные части и детали оружия — это было только половиной дела. Тре бовалось еще организовать сборку оружия. Это поручили другой группе

товарищей, которые успешно справились с заданием. Постепенно, день за днем, тайные арсеналы пополнялись оружием. В добывании его русским товарищам помогли немецкие антифашисты. Они дали несколько десятков немецких винтовок.

Значительно пополнились запасы оружия, когда 24 августа 1944 года авиация союзников разбомбила завод «Густлов-Верке». Во время налета погибло около четырёхсот заключённых, но оставшиеся в живых воспользовались суматохой и притащили в лагерь несколько десятков винтовок и автоматов, много немецких пистолетов и гранат. Одновременно раздобыли большое количество патронов.

Пожалуй, самым трудным оказалось наладить собственное производство оружия. Руководящий центр решил организовать и это очень важное дело. С особым риском было связано производство гранат. Идею изготовления самодельных гранат подали военнопленные П. Лысенко (по лагерю О. Миронов), А. Лысенко и Б. Сироткин. Поскольку невозможно было достать порох, П. Лысенко предложил применить взрывчатку, полученную путём обработки ваты смесью серной и азотной кислоты. Б. Сироткин изготовил схему гранаты и её макет. Устройство её было простое. Корпусом служил кусок трубы. Внутри её помещалась вата, обработанная кислотой. В верхнюю часть ввинчивался штуцер с капсюлем и кусочком бикфордова шнура. В ручке монтировалось ударно-зажигательное устройство.

Гранату удалось тайно испытать. Выполнил эту сложнейшую задачу Павел Лысенко. Но с ним случилось несчастье. Как только он сорвал чеку, его ранило взорвавшимся в руке запалом. Товарищи перевязали его и тайно вылечили.

Испытание производилось с целью проверки действия взрывчатки, изготовленной самими заключёнными, и силы её взрыва. Вот почему первый корпус гранаты сделали из куска прочной трубы. Когда взрывчатку проверили, на корпусе стали делать насечки, чтобы он разлетался при взрыве на мелкие осколки, а кусок стальной трубы заменили чугунным. Снова произвели испытание. Результаты были удовлетворительными.

Испытания пистолетов, собранных в лагере, проводили лично Н. Симаков и С. Бакланов. Для тайного стрельбища выбрали один из колодцев канализации, расположенный в дальнем углу лагеря. И тут помог все тот же Ян Геш.

В один из воскресных дней Симаков и Бакланов вместе с Гешем, захватив ведра, лопаты, а заодно и оружие для испытания, направились в самый дальний уголок участка лагерного огорода. Геш шёл впереди, то и дело покрикивал на своих «помощников». Часовой на вышке, узнав агронома чеха по знаку на рукаве одежды, уснул.

Так подгоняемые окриками Яна Геша смельчаки достигли колодца, расположенного за сараем и скрытого от глаз часового. Геш остался в поле зрения охранника, продолжая отдавать какие-то «распоряжения». Его «помощники» тем временем приподняли крышку колодца, в отверстие влез Бакланов и скрылся в темноте. Симаков осторожно положил тяжёлую крышку на место. Бакланов по ступенькам спускался всё ниже и ниже. Но вот под ногами что-то захлопало. Дальше спускаться было некуда, там текли сточные воды. Не хватало воздуха. Одной рукой Бакланов нащупал стены канализационной трубы и установил её направление. Затем вынул из кармана пистолет, стал прислушиваться, не подаёт ли Симаков условный сигнал. Но было тихо. Первый выстрел не много оглушил Бакланова, но и обрадовал. Ведь в руках у него, офицера Советской Армии, опять оружие, да ещё собранное самими заключёнными!

Убедившись, что пистолет автоматически перезарядился, Бакланов сделал второй выстрел. В трубе стоял гул, но Бакланов всё же слышал, как в крышку стучали. Значит дальнейшую стрельбу вести нельзя. Да и не было необходимости. Пистолет работал отлично. Стук в крышку повторился настойчивее. «Неужели обнаружены», — мелькнула мысль. Бакланов полез вверх и головой чуть приподнял крышку колодца. Струя чистого воздуха освежила его. А Симаков, наклонившись, сказал:

— Хватит палить... Могут услышать.

И вот снова пошли втроем — Геш, Симаков и Бакланов. Все так же покрикивал «агроном» на своих «подчиненных»...

Кроме самодельных гранат, подпольщики изготовили более 200 бутылок с горючей жидкостью. Это дело было возложено на Н. Сахарова, А. Карнаухова, П. Лысенко и других. С помощью русских и немецких заключенных, работавших в лагерной больнице, они достали большое количество пробирок, которые вставлялись одна в другую. Пробирки заполнялись воспламеняющимся составом, заключались в бутылку с горючим, которая крепко закупоривалась.

Испытание действия пробирок с воспламеняющимся составом происходило в уборной барака № 44. Испытание дало хорошие результаты.

Громадные усилия советских узников Бухенвальда в собирании оружия не пропали даром. Когда наступил час восстания, все оружие пошло в ход. И как горды были повстанцы, держа в руках все эти выкраденные по отдельным деталям у фашистов пистолеты и винтовки, эти своими силами сделанные гранаты!..

Руководители советского подполья отдавали себе полный отчет в том, что для вооруженной борьбы с эсэсовской охраной потребуются люди не только решительные и стойкие, но и подготовленные, изучившие добытое такой дорогой ценой оружие.

Основное ядро советского подпольного отряда состояло из людей, прошедших уже воинскую школу и получивших некоторый боевой опыт. Но среди заключенных, завербованных подпольщиками в те или иные подразделения, немало было и таких, кого еще требовалось учить военному делу. И когда в основном закончилось создание боевых групп «М», когда появилось оружие, начался следующий этап подготовки к восстанию — обучение людей.

Занятия проходили где-нибудь в укромных уголках, в умывальных комнатах или уборных, под постоянной угрозой обнаружения их ненавистной охраной. Каждое занятие заранее тщательно обдумывалось не столько со стороны содержания и методики, сколько со стороны конспиративной. Где лучше его провести сегодня ночью, как доставить отдельные образцы оружия для изучения, как обеспечить охрану обучаемых подпольщиков — вот о чем приходилось думать. Подполье справилось и с этой задачей. Занятия велись систематически.

Кроме оружия, все подразделения изучали боевой устав пехоты. Конечно, самого устава там достать никак не могли. Но он был в памяти многих командиров. Указания устава подкреплялись примерами из боевого опыта, уже полученного отдельными командирами в самом начале Великой Отечественной войны. Точно так же на память излагались многие требования наставления по стрелковому и саперному делу.

Некоторые боевые группы знакомились с автоделом. Эти группы предназначались для захвата и использования в период восстания автотранспорта, которому руководители подполья отводили определенную роль. Вел занятия по автоделу бывший командир мотомехроты военнопленный Г. Щёлоков (умер в 1958 году).

Развернулась также подготовка санитарных групп. Большую помощь в подборе и обучении санитаров оказывал заключенный советский врач А. Турин. Первое боевое крещение санитарная команда русской подпольной организации получила 24 августа 1944 года, когда авиация союзников совершила налет и разбомбила военные предприятия, расположенные вокруг концлагеря. В этот день санитары оказали первую медицинскую помощь не одной сотне раненых узников.

Создание подпольных боевых групп, подготовка оружия и обучение военному делу составляют самую интересную страницу истории советского подполья в Бухенвальде.

Осенью 1944 года вся масса заключенных бухенвальдского лагеря всколыхнулась, готовая в гневе и ненависти идти на любые жертвы. Этому предшествовало чрезвычайное событие, взволновавшее всех заключенных.

Речь идет о злодейском убийстве лагерными палачами вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана, совершено 18 августа 1944 года. Свое подлое преступление фашистские правители Германии пытались всячески замолчать. Но заключенным Бухенвальда об этом злодеянии стало известно в тот же день.

Неописуемый гнев и возмущение вызвала среди узников Бухенвальда зверская расправа над вождями немецких коммунистов Эрнстом Тельманом.

Интернациональный лагерный центр, имевший данные об обстоятельствах смерти вождя немецких коммунистов, решил провести тайные митинги. Они проходили ночью, при бдительной вахте подпольщиков.

Руководители митингов коротко, вполголоса сообщали заключенным о трагической гибели вождя немецких коммунистов, призывая еще теснее сплотить ряды подполья, еще настойчивее готовиться к восстанию. Митинг в каждом бараке заканчивался минутой скорбного молчания. К беспощадной мести взывала эта скорбная весть. Все подполье с нетерпением ждало того дня, когда обстановка позволит взяться за оружие.

ВОССТАНИЕ 11 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА.

И уже не за горами был этот долгожданный день восстания. По сводкам Совинформбюро и лондонского радио подпольщики Бухенвальда могли судить о стремительном развитии событий на всех фронтах.

Чувя близкий конец, гитлеровцы решили эвакуировать заключенных из лагеря Бухенвальд. Они уменьшили и без того голодный паек. Удалось эвакуировать около 20 тысяч человек, многие из которых были женщины.

Однако и после этого в лагере осталось более 20 тысяч заключенных. Их-то и надо было поднять на восстание. Для этого подпольная организация располагала не только запасом оружия, а также различными средствами прорыва проволоки (кирки, ломы, ножницы для резки колючей проволоки и т. д.). Лагерный центр позаботился и о другом. Заключенные имели с внешним миром только одностороннюю связь. По подпольным радиоприемникам они получали вести о положении на фронтах. Но они не могли ничего сказать о себе, о своем тяжелом положении. Для этого необходим был радио передатчик. Его смонтировали два заключенных инженера. Один из них — чех, фамилию которого не удалось пока установить. Другой — поляк Гвидон Дамазин. Участие в монтаже принимали также Л. Драпкин и А. Лысенко. Для работы на ключах лагерный центр поручил русскому центру подобрать своего радиста. Центром выделен К. Леонов. Произошло это так.

Однажды Леонов попросили зайти в умывальную комнату барака № 1. Здесь находились Н. Симак, В. Железняк, С. Карпов — командир одного подпольного взвода и другие товарищи.

— Вы были радистом? — спрашивают.

— Да, был, — ответил Леонов.

Леонову сказали, что по решению лагерного центра ему доверится ответственная работа на передатчике.

— Но где же он? — вырвалось невольно у Леонова.

— Не торопитесь, — сказал Симаков. — Вы узнаете все подробно у товарища Кравченко.

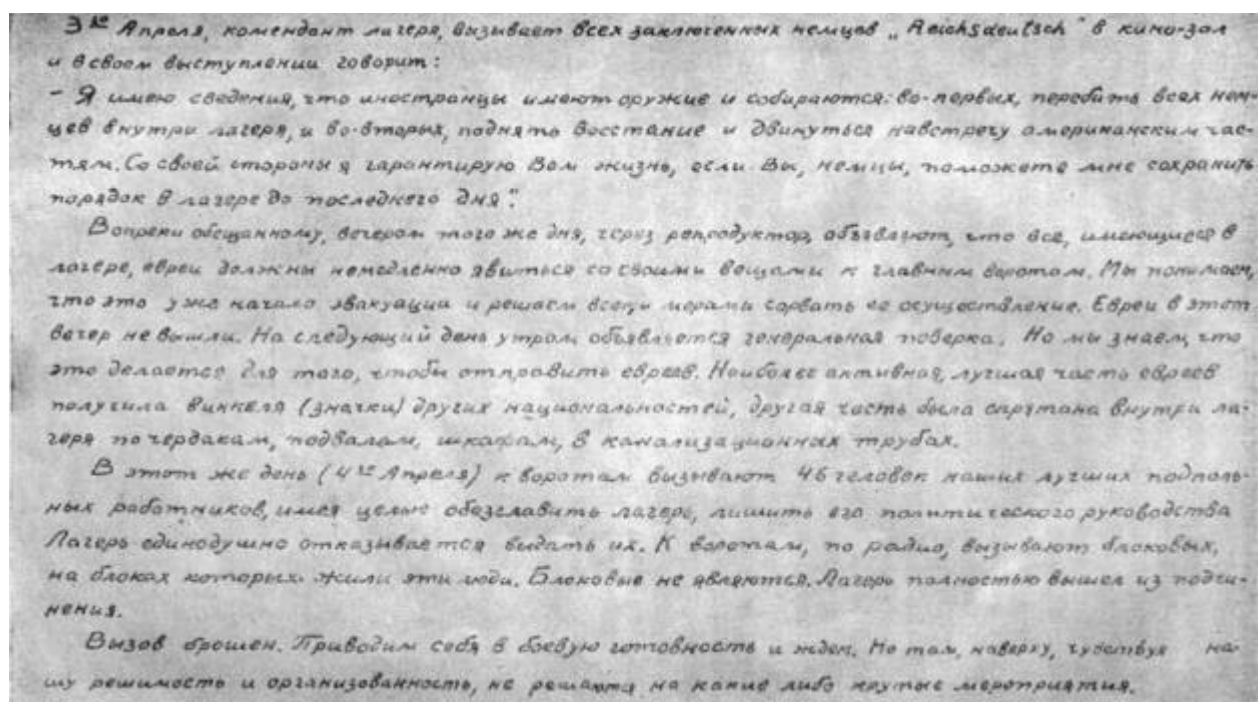
Леонов уже знал этого человека, но никак не мог предположить, что Кравченко (настоящая фамилия Драпкин) специалист по радио.

На другой день вечером они вдвоем пошли в дальний уголок лагеря, где находился свинарник. Здесь, в одном из помещений, монтировался передатчик.

— Тут работают два наших хороших товарища — чех и поляк, — сказал Кравченко. — Ты будешь помогать. Времени очень мало, все надо сделать быстро.

С этого дня Леонов и Кравченко почти каждую ночь тайком пробирались в свинарник и помогали в монтаже «Голоса Бухенвальда», как называли будущий передатчик подпольщики. Где и как доставались части, кто их приносил сюда, Леонов не знал. Он только понимал, что это были смелые люди, которым не раз приходилось рисковать своей жизнью, чтобы доставить ту или иную деталь.

К апрелю 1945 года передатчик собрали полностью. Леонов за это время тренировался на зуммере, который был установлен в комнате № 6 лагерной больницы. О готовности радиопередатчика доложили руководству лагеря.

Из брошюры, изданной заключенными в апреле 1945 года

ного центра. Леонову сказали, чтобы он ждал дальнейших указаний.

Русский центр, между тем, настойчиво требовал не медленнее начать открытое выступление. Еще в конце марта наши подпольщики предлагали начать восстание. Все подразделения советского подпольного отряда ждали сигнала. Международный лагерный центр, однако, с этим предложением не согласился. Очевидно, учитывая то, что в окрестностях Бухенвальда находилось много немецких воинских частей, готовых в любой момент прийти на помощь эсэсовской охране лагеря.

Нетерпение руководителей, да и всей массы советского подполья нетрудно понять. Над лагерем нависла угроза полного, поголовного истребления. В этих условиях требовалось выбрать лишь удобный момент, чтобы все боевые группы приступили к осуществлению тщательно разработанного плана восстания. Этот план был небезынтересен. Имелось два варианта его.

Лагерь 11 апреля 1945 года

Первый вариант плана строился на возможности благоприятной обстановки, которая могла создаться в случае восстания немецких рабочих против фашистского режима в Тюрингии или высадки в районе Бухенвальда авиадесанта союзников. Наиболее благоприятным, конечно, считалось приближение линии фронта вследствие наступательных действий Советской Армии и войск союзников.

По этому варианту в день и час, намеченные для восстания, центры подпольных организаций должны были постараться вывести в составе рабочих команд, ежедневно направляемых за черту лагеря, как можно больше людей, в первую очередь свои боевые силы. Заранее заготовленное огнестрельное и холодное оружие следовало изъять из тайных арсеналов и раздать. Далее предполагалось действовать таким образом. Как только последняя колонна заключенных проследует через ворота, а головная достигнет завода «Густлов-Верке», на ходившегося от главных ворот примерно в полукилометре, раздается условный сигнал сиреной или ударом в кусок рельса. По сигналу все бойцы выхватывают скрытое под одеждой оружие и командиры ведут подразделения к намеченным объектам. Одни обезоруживают конвой, другие — захватывают склад с оружием, третьи — атакуют эсэсовские казармы и т. д.

Одновременно заключенные, оставшиеся в лагере, всеми возможными средствами (кирками, бревнами, специальными ножницами) рвут и режут проволочное ограждение и соединяются с боевыми подразделениями, действующими за проволокой.

Таким образом, первый вариант был рассчитан на одновременные действия повстанцев извне и изнутри лагеря. При этом главной задачей являлось уничтожение гарнизона эсэсовской охраны.

Второй вариант предусматривал действия в неблагоприятных условиях, когда не удастся захватить врага врасплох при выходе заключенных из лагеря. Главной задачей в этом варианте являлся выход людей из лагеря небольшими группами в районы сосредоточения. Для этого по условному сигналу в ночное время боевые группы должны были в намеченных местах проделать проходы в проволочных ограждениях и захватить не сколько вышек. Определенные люди выключают ток высокого напряжения из проволоки и таким образом создаются благоприятные условия для всеобщего наступления на эсэсовскую охрану.

Этот второй вариант предусматривал случай подхода резервов эсэсовских войск для подавления восстания. Следовательно, надо было до подхода этого резерва разделиться с охраной и отвести массы заключенных в леса, действуя в дальнейшем в зависимости от

обстановки.

В обоих вариантах восстания предусматривался про рыв проволоки, что являлось исключительно трудной за дачей, ибо проволочный забор высотой около трех мет ров с навесом крепился на массивных столбах. Через всю сеть заграждения проходил ток высокого напряжения. Поэтому особое внимание уделялось подготовке боевых групп, которые должны были прорвать проволоку и овладеть вышками с пулеметами.

Все знали, что без жертв не обойтись. Их не боялись. Ненависть к угнетателям, накопившаяся за годы лише ний, была исключительно велика. Вместе с тем все пони мали, что эсэсовцы могли воспользоваться моментом вос стания, чтобы уничтожить всех заключенных лагеря. Вот почему центр очень тщательно проводил подготовку, де лая при этом главную ставку на внезапность.

Складывалось впечатление, что эсэсовцам удалось кое-что узнать о решительных настроениях в лагере. Не случайно были присланы подкрепления.

Наступило 3 апреля. Вечером по радио был передан приказ коменданта, чтобы все евреи немедленно явились к главным воротам. Но многие не вышли. Это был пер вый случай открытого неповиновения комендатуре.

Члены подпольных организаций хорошо понимали, что борьба против эвакуации евреев — это борьба за их спа сение. В этой борьбе вокруг стойких антифашистов сплотились все оставшиеся узники Бухенвальда. Чтобы не до пустить эвакуации, решили, насколько это возможно, заменить у части еврейских товарищей винкели 1 , дать, на пример, винкели с обозначением русской национально сти или чешской. Так и сделали. Эсэсовцам, конечно, трудно было разобраться, кто перед ними — русский или еврей. Для этого понадобилось бы произвести сверку по фотокарточкам, находившимся в гестапо.

Ночь на 4 апреля прошла в тревоге. Лагерь затих. А утром по лагерю объявляется генеральная проверка. У главных ворот выстроились вооруженные эсэсовцы. С вышек и с балконов помещения комендатуры на ла герь были направлены крупнокалиберные пулеметы.

В тот же день по радио были вызваны 46 активных немецких антифашистов. На сей раз никто не сомне-

1 Треугольные знака различных цветов с начальной буквой той национальности, к которой принадлежит заключенный.

вался, что эсэсовцы хотят обезглавить лагерь, лишить его политического руководства. Русский и другие под польные национальные центры передали по всем бара кам приказ: «Никому на вызов не являться, вызываемых к воротам товарищей спрятать».

Тогда комендатура отдала другой приказ — явиться к главным воротам всем старшим бараков. Лагерный центр запретил и им покидать бараки. 46 активистов подполья спрятались в надежных местах.

Лагерь полностью вышел из подчинения коменда туры. Эсэсовцам был брошен вызов. Но они не решались на крутые меры. Комендант пошел на хитрость, объявив по радио, что 6 апреля отправляется транспорт в количе стве 5000 заключенных, которые пройдут медицинскую комиссию. Чтобы выиграть время, интернациональный центр решил с этим согласиться.

Для прохождения медицинской комиссии подпольная организация выделила инвалидов и престарелых, Один за другим подходили они к главным воротам, около которых находились эсэсовские врачи. Они признали негодными всех вышедших инвалидов и стариков. По следние, пройдя комиссию, направлялись в малый лагерь и снова, чтобы затянуть время, возвращались. И многим из них меняли номера или винкели.

Эвакуация 5000 заключенных была сорвана. Так про шел весь день 6 апреля. На следующий день на эвакуацию вообще не вышел ни один человек.

В эти дни регулярно принимались сводки о продвижении Советской Армии с востока и войск союзников — с запада. Американские передовые части уже были к лометрах в 25—40 от Бухенвальда. Интернациональный центр стал готовиться к своей первой открытой передаче радиогаммы. Перенесли передатчик в один из барак и поручили группе подпольщиков, в их числе Леонову и Кравченко (Драпкину), подготовить передатчик к работе.

Передачу первой радиогаммы поручили Леонову. Немецкий антифашист по имени Эрих обратил внимание Леонова на исключительную серьезность задания, выполнение которого он должен во что бы то ни стало, если бы даже его застигли фашисты во время передачи. Леонов ответил:

— Я не уйду с поста, пока не выполню задание.

При этом разговоре присутствовал Кравченко, у обоих были пистолеты наготове.

Когда Эрих вышел из помещения, где установили передатчик, Леонов приступил к передаче текста радиогаммы. Вот ее содержание:

« СОС! СОС ! Командующему союзными войсками генералу Паттону. СОС ! СОС ! Говорит концлагерь Бухенвальд! Нас хотят эвакуировать! Нас хотят уничтожить. Обращаемся к вам за помощью. Нас хотят уничтожить. СОС ! СОС ! Концлагерь Бухенвальд. СОС ! СОС !»

Радиогамму Лесков передавал медленно, повторяя несколько раз весь текст.

Дальнейшую передачу пришлось все же прервать, так как в лагере появились вооруженные до зубов эсэсовцы. Это не было неожиданностью. Дело в том, что, когда 8 апреля эсэсовцы снова приказали заключенным явиться на площадь с необходимыми для дороги вещами, ни один человек не вышел из барак. Несмотря на неоднократные повторения приказа коменданта, аппельплатц (площадь в лагере) по-прежнему был пуст. Тогда в лагерь и ворвались на мотоциклах эсэсовцы, вооруженные автоматами, гранатами и пистолетами. Их поддерживали пулеметы на сторожевых вышках. Началась стрельба. Много заключенных, не успевших вовремя укрыться, погибло. Эсэсовцы врывались в бараки, силой выгоняя оттуда людей. Они хватали первых попавшихся на глаза, а тех, кто сопротивлялся, тут же расстреливали. На какое-то время гитлеровцам удалось взять верх и выгнать на площадь несколько сот узников, которых эсэсовцы окружили. За очередностью погрузки и отправки людей должны были следить распорядители из числа заключенных немцев. Им нацепили на рукава белые повязки с особым штампом. Как только в лагере прекратилась стрельба, подпольщики Г. Щёлоков и М. Рогаль по поручению русского центра изготовили из картофеля такой же штамп, раздобыли белый материал и снабдили повязками своих людей.

Никто с площади, кроме распорядителей с повязками, не мог пройти сквозь кольцо эсэсовцев. А «распорядители» старались во всю. Они то и дело строили узников, подготовленных к эвакуации, считали их, перегоняли с места на место. Наблюдая за происходящим, эсэсовцы посмеивались, над тем, как распорядители, те же заключенные, «выслуживаются» перед гестапо. Сумерки сгустились над лагерем. На площади стоял разноязычный гомон...

И не заметили эсэсовцы, что заключенных с нарукавными повязками уходило с площади вдесятеро больше, чем возвращалось. А возвращались те люди, которых в качестве «распорядителей» назначал подпольный центр. Они приходили сюда, чтобы освободившиеся повязки нацепить следующим товарищам, проводить их в бараки и снова вернуться.

Повстанцы наступают на главные ворота лагеря. Рисунок одного из узников Бухенвальда

Только один член русской подпольной организации Харламов (Дроздов) вывел с площади до 60 заключенных. Среди «распорядителей» с белой повязкой находился и военнопленный подполковник С. Харин, которому удалось вывести с площади более 50 человек. Член подпольной организации Е. Коренцвит вывел более 10 человек.

Весь следующий день, 9 апреля 1945 года, благодаря правильной тактике подпольного центра эсэсовцам не удалось вывести на эвакуацию намеченное количество заключенных.

Тогда последовал другой приказ коменданта — на эвакуацию выйти только советским военнопленным. За невыполнение приказа комендант грозил обстрелом лагеря, поголовным уничтожением людей. Интернациональный центр обсудил положение и, чтобы не допустить кровавой расправы, согласился отправить часть советских военнопленных. Набралась группа около 500 человек. Подпольщики поделились с ними пистолетами и патронами. Подчиняясь подпольной дисциплине, Николай Симаков и Степан Бакланов по решению русского центра возглавили эту группу. Они получили указание: в случае попыток эсэсовской охраны уничтожить эшелон — оказать вооруженное сопротивление.

Значительной части этой группы военнопленных удалось спастись. В их числе были Симаков и Бакланов. Они пересекли чехословацкую границу и примкнули к чешским партизанам.

С момента ухода Симакова руководство советским подпольем осуществлялось остальными членами центра. Особую роль среди них играл Смирнов, поскольку он являлся командиром русских повстанцев, тем более, что момент восстания приблизился вплотную.

Наступило 11 апреля 1945 года. Лагерный центр решил, что настал час действовать. Рано утром в бараке № 2 состоялось совещание лагерного центра. Здесь присутствовали все представители военного руководства национальных подпольных организаций. Совещание было недолгим. После краткого обмена мнениями постановили начать вооруженное

выступление. И тотчас связные разнесли эту весть по всем баракам, довели до всех боевых групп. Командир подпольного объединенного русского отряда И. Смирнов и начальник штаба К. Карцев приказали всем подразделениям вооружиться имеющимися средствами и быть готовыми к действию. Небольшими группами люди устремились к местам, где тайно хранилось огнестрельное оружие, и приступили к раздаче его. Винтовки, пистолеты, самодельные гранаты, бутылки с горючей смесью, боеприпасы — все, что так кропотливо, с громадным риском накапливалось месяцами, перешло в руки восставших.

Руководитель политического отдела русской подпольной организации С. Котов и комиссар «малой» бригады С. Бердников по заданию центра написали воззвание ко всем советским заключенным Бухенвальда. Текст его гласил:

«Фашистская Германия, потрясая мир чудовищными зверствами, под натиском Красной Армии, войск союзников и тяжестью своих преступлений, рвется по частям.

Вена окружена. Войска Красной Армии наступают на Берлин. Союзники в 40 километрах от Ганновера, взяли Вюттербург, Зуль, Готу, ведут бои за Эрфурт...

Кровавый фашизм, озверевший своими поражениями, в предсмертных судорогах пытается уничтожить нас. Но часы его жизни сочтены! Настал момент расплаты!

Военно-политическое руководство подпольной организации лагеря дало приказ в 3 часа 15 минут начать последнюю беспощадную борьбу с фашизмом. Все как один на борьбу за свое освобождение! Смерть фашистским зверям!

И будет проклят тот, кто, забыв свой долг, спасует в этой последней, беспощадной борьбе. Наш путь героический. В этой героической борьбе победа будет за нами.

Все как один, подчиняясь военной дисциплине, распоряжениям и приказам командиров и комиссаров, презирая смерть, горя ненавистью к врагам, вперед трудным, но боевым путем к свободе! Смерть фашистским извергам!..

Да здравствует свобода!

Антифашистский подпольный центр.

11 апреля 1945 г.

1 час по западноевропейскому времени».

Это воззвание немедленно зачитали во всех подпольных взводах, ротах, батальонах. Два с половиной часа, оставшиеся до организованного выступления, незаметно ушли на подготовку. Боевым группам было роздано имеющееся огнестрельное и холодное оружие, командиры еще и еще раз инструктировали, на какой объект идет в наступление то или иное подразделение. Многие заключенные, увидев у своих товарищей в руках оружие, недоумевали: откуда все это? Их восторгу не было конца.

В назначенную минуту раздалось громкое русское «ура».словно сжатая до предела стальная пружина, стала стремительно разворачиваться сила многотысячного коллектива узников Бухенвальда. Прорвался гнев, копившийся годами. Воодушевленные одним стремлением — добиться успеха в решающей схватке с ненавистным врагом, первыми на штурм ворот бросились бойцы русского батальона под командованием В. Логунова. Сразу же завязалась перестрелка с эсэсовцами.

С разных сторон в определенных направлениях пошли на штурм твердынь Бухенвальда и другие подразделения русского отряда. Район его действий тянулся вдоль проволочного ограждения от угловых (запасных) ворот до лагерной больницы. С другой стороны проволоки были видны эсэсовские казармы, склады с оружием, гарражи. Участок находился в зоне обстрела с четырех вышек.

Подразделения немецкой антифашистской организации наступали левее. В их задачу входило — овладение телефонной связью, отключение тока высокого напряжения из проволоки и овладение учреждениями коменда туры.

Справа действовали подразделения чешской, польской, французской и других подпольных организаций.

Четко отдавались приказы. Быстро и точно они выполнялись. И нельзя было узнать теперь людей, переживших годы тяжелых испытаний

Как только из-за барака № 44 раздалось «ура», его подхватили все отряды, штурмовавшие проволочное заграждение. Батальон под командованием Н. Задумова бросился на штурм угловых ворот. С вышек застучали крупнокалиберные пулеметы. Но ненадолго. Повстанцы быстро овладели воротами. Рядом с батальоном Задумова действовал батальон барака № 25 под командованием Хазанова, Батальоны «малой» бригады действовали в районе лагерной больницы. Здесь общее руководство осуществляли командир бригады С. Пайковский (Швецов) и комиссар С. Бердников.

Роты, которыми командовали Д. Малышев, И. Харламов, Ф. Богомолов и Н. Панич, быстро достигли намеченных участков проволочного заграждения, под пулеметным огнем с вышек прорвали его в нескольких местах и, преодолев сопротивление эсэсовцев, находившихся вдоль заграждения, устремились к военному городку. В штурме казарм участвовал и батальон под командованием подполковника С. Харина.

Сняв ближнюю охрану на подступах к эсэсовскому городку, повстанцы овладели одной из казарм, лазаретом и другими зданиями. Как и предполагалось по разработанному плану, батальон Харина, поддержанный дружными подразделениями, захватил склад с оружием, которое тут же выдали заключенным, не имевшим его.

На участке наступления русского объединенного отряда проволочное заграждение было прорвано почти одновременно в шести местах. Это во многом обеспечило успех при взятии эсэсовского городка. Эсэсовцев буквально ошеломил дружный натиск тех, кого еще утром они заставляли под угрозой смерти выйти на эвакуацию.

В течение первого получаса взяли в плен около 200 эсэсовцев. Над лагерем из края в край разносились на разных языках радостные крики: «Ура!», «Да здравствует свобода!», «Смерть фашистам!»

Охваченные восторгом, бывшие узники «лагеря смерти»: русские и чехи, поляки и немцы, французы и югославы — все, кто выдержал годы тяжелых испытаний, целовались, обнимались. Счастье свободы, которое они завоевали сами, переполнило сердца людей. Они выстрадали это счастье, шли к нему долгой дорогой.

Действиями русских повстанцев умело руководили командир объединенного отряда подполковник И. Смирнов, начальник штаба полковник К. Карцев и другие командиры.

Вооруженные отряды других национальностей также быстро овладели объектами, согласно разработанному плану. И не беда, что где-то бойцы в общем потоке смешались с другими подразделениями. Это не мешало успеху штурма. Да и уследить, что делал в эти минуты каждый член боевой группы, было невозможно. Но в движении тысяч существовал порядок, основанный на общей цели — добиться свободы. Те, кого когда-то фашисты лишили оружия, теперь крепко держали его в своих руках.

Солдаты охранной дивизии СС разбежались по окрестным лесам и прятались в оврагах. Некоторым из них удалось присоединиться к разбитым частям регулярной армии, которые отступали со стороны Эрфурта.

Первый этап вооруженного восстания бухенвальдцев завершился полной победой. Интернациональная подпольная организация, в которой ведущее место занимала русская

секция, спасла жизнь более чем 20 тысячам заключенных.

Осуществлявший общее руководство международный лагерный центр в ходе штурма внимательно следил по радиосводкам за движением войск союзников. Казалось, опасность со стороны фашистов миновала. Но, зная вековые повадки гитлеровцев, которые в предсмертных су дорогах могли бы неожиданно нагрянуть в Бухенвальд, военное руководство приняло меры по организации обороны.

Центр русской военно-политической организации дал указание командирам бригад занять круговую оборону лагеря. Каждый батальон немедленно приступил к укреплению своих участков обороны.

Батальону под командованием Н. Задумова было поручено охранять главный вход в лагерь, подходы к нему, а также пленных эсэсовцев, которых становилось все больше и больше. Кроме захваченных в плен 200 фашистов, повстанцы во время прочесывания леса выловили еще несколько сот трусливо разбежавшихся эсэсовцев.

С какой ненавистью смотрели на этих душегубов бывшие заключенные! Их готовы были разорвать на куски. Но все знали, что кара их не минует.

Взятые в плен эсэсовцы тихо сидят, не поднимая головы, на лицах у них написан страх и недоумение: где скаты, как они оказались арестованными теми, кого только вчера истязали.

Подпольный международный центр Бухенвальда выполнял свои задачи. В связи с этим на совещании представителей всех подпольных организаций решили создать другой руководящий орган — Лагерный комитет.

Этот новый руководящий орган немедленно приступил к налаживанию внутрилагерной жизни.

Подводя итоги восстания, невольно задумываешься над тем, как могло оно столь быстро завершиться полной победой. Выше уже подчеркивалось, что воинские единицы повстанцев были в значительной степени условными. Количество и качество оружия их ни в какое сравнение не могли идти с тем мощным вооружением, которое имели охранные войска эсэсовцев. Совершенно ясно, что здесь решающую роль сыграл огромный моральный перевес. С одной стороны пусть изможденные, страдавшие люди, но вдохновленные великими победами, одерживаемыми на фронтах Советской Армии, полные ненависти к фашистам и жажды мести; с другой — вооруженные до зубов регулярные войска, но уже деморализованные страхом перед надвигающимся возмездием. Только лишь за месяц до этого восстание было бы обречено на провал. Сейчас же оно помогло спасти 20 тысяч узников из лап издыхающего зверя.

К пяти часам вечера 11 апреля 1945 года над конц лагерем Бухенвальд взвился алый стяг — символ свободы. Красное полотнище как бы озарило лагерь ярким светом. Тысячи людей обращали свои взоры к красному знамени. Любовь и признательность выражали взоры бывших заключенных тому народу, который в невероятно тяжелых боях отстоял свою Родину, изгнал фашистских захватчиков со своей земли и теперь направил свой последний удар в самое сердце зверя.

И каждому хотелось в эту минуту поведать всему миру обо всем печальном и тяжелом, что пришлось пережить за годы нахождения в фашистском застенке, рассказать о тех, кто уже больше не вернется к родной семье. И сказать человечеству: «Этому больше не быть!» Люди больше не допустят распространения коварной чумы.

Наступила ночь. Первая свободная и в то же время еще полная всяких опасностей ночь. На подступах к лагерю бдительно несли вахту боевые отряды, а в бараках никто не ложился спать. Слишком много волнений пережили за день.

Наступило утро 12 апреля. Вместо обычной команды — строиться на проверку, радио

разнесло призыв Лагерного комитета всем явиться на лагерную площадь. Обильно политая слезами и кровью узников, площадь выглядела в этот первый свободный день по-праздничному. На бараках, примыкавших к площади, висели флаги разных национальностей, изготовленные руками заключенных. Среди них — советский флаг, сделанный руками теперь уже бывших военнопленных. Лишь через двое суток, 13 апреля, в лагере появилось американское подразделение. Последовал приказ — сдать оружие. Повстанцы, как граждане стран, сражающихся против фашистской Германии, заявили протест. После вторичного решительного требования американцев повстанцы вынуждены были сдать оружие. Не сдал оружие только русский батальон В. Логунова.

19 апреля, к полудню, на лагерной площади и прилегающих улицах стройными рядами построились более 20 тысяч бывших узников Бухенвальда. Здесь был установлен временный обелиск в память жертв концлагеря. У подножия обелиска лежало множество венков. Заиграл оркестр и зазвучала траурная мелодия.

На митинге выступили представители всех национальностей. Участники его дали торжественную клятву. В ней говорилось:

«Мы, бывшие политзаключенные Бухенвальда: русские, французы, поляки, чехи, немцы, испанцы, итальянцы, австрийцы, бельгийцы, голландцы, англичане, люксембуржцы, югославы, румыны, венгры совместно боролись против СС, против нацистской банды, за наше собственное освобождение. Мы твердо были уверены: наше дело правое, победа будет за нами!

Мы, представители всех национальностей, вели жестокую, беспощадную... борьбу. И эта борьба еще не закончена. Фашизм (гитлеризм) еще не уничтожен на земном шаре. Еще находятся на свободе мучители и садисты. Поэтому мы клянемся перед всем миром, на этой площади, на месте ужасов, творимых фашистами, что мы прекратим борьбу только тогда, когда последний фашистский преступник предстанет перед судом Правды!

Уничтожение фашизма со всеми его корнями — наша задача, это наш долг перед погибшими товарищами, их семьями!

Клянемся отомстить бандитам-наци за смерть 51 тысячи наших товарищей!»

Над площадью гремело разноязычное громкое: «Клянемся!», «Клянемся!», «Клянемся!»

Долго еще не расходились люди. Шли оживленные разговоры по поводу скорого возвращения на Родину. Люди стремились быстрее уехать из этого проклятого места, где все напоминало кошмарные дни.

Так закончил существование лагерь смерти в Бухенвальде.

ПАМЯТНИК НА ГОРЕ ЭТТЕРСБЕРГ

На горе Эттерсберг, близ Веймара, где находился концлагерь Бухенвальд, ныне воздвигнут памятник борцам Сопротивления и жертвам фашизма. Памятник напоминает о том, чего забыть нельзя, что зовет к неустанной борьбе. Вот дорога, по которой когда-то шли из Веймара колонны заключенных. Вот громадные, ныне обнесенные стеной, воронки-могилы, где эсэсовцы закопали много тысяч убитых узников. Все вызывает к тому, чтобы люди доброй воли не успокаивались до тех пор, пока на нашей планете не будет покончено со всякими попытками возродить фашизм и развязать мировую войну.

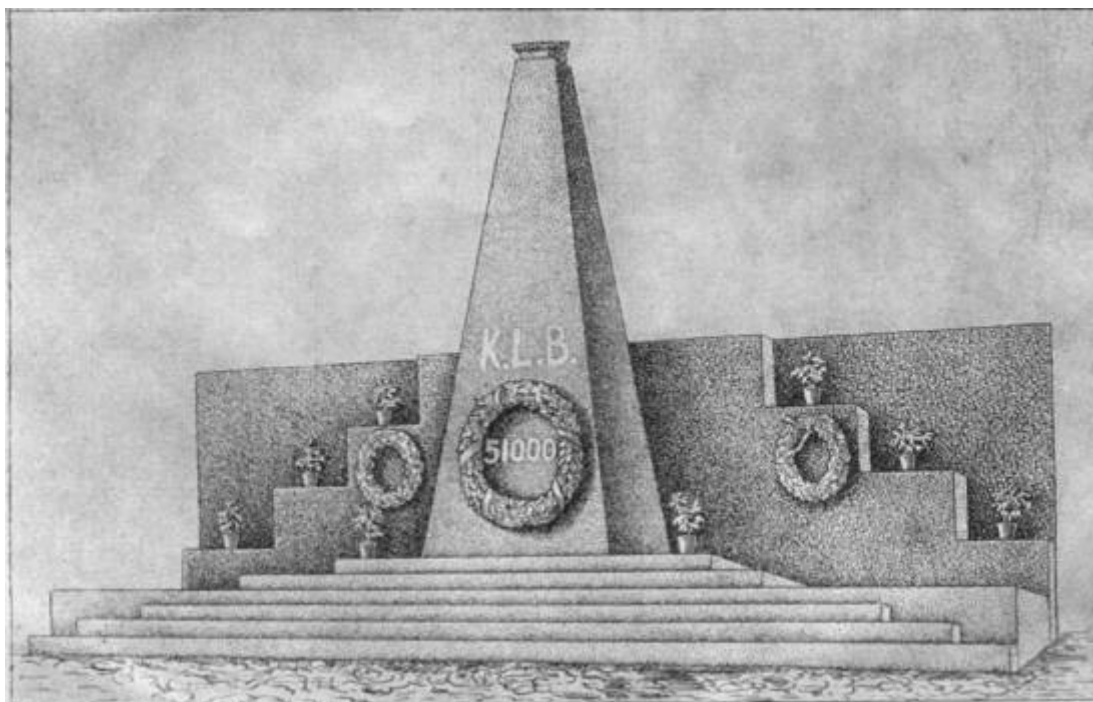
В 1957 году на традиционный митинг бухенвальдцев приехала советская делегация в составе: Н. С. Симакова, Н. Ф. Кюнга, Б. Г. Назирова, М. Сосковец. Тогда участники митинга

договорились о постройке памятника жертв вам Бухенвальда.

На этой встрече все иностранные товарищи едино душно отметили решающую роль советских военнопленных в борьбе узников Бухенвальда.

Отмечалась роль Н. С. Симакова как руководителя подпольной организации. С волнением ходил этот спо койный на вид человек по территории бывшего лагеря. Здесь уже выросли молодые деревца. На площади, вы топтанной когда-то десятками тысяч ног, где производились поверки заключенных, зеленела трава. Николаю Семеновичу известен тут каждый клочок земли. Он без-

1 В клятве говорится о 51 тысяче убитых. По уточненным данным, убито была 56 тысяч человек.

Первый памятник жертвам фашизма, установленный на площади лагеря Бухенвальд

ошибочно нашел то место, где стоял барак № 7, в не большой комнате которого он проживал в качестве сани тара барака, и то углубление в земле, куда подпольщики складывали оружие. Симаков определил и маршрут, по которому когда-то проходили подпольщики, тайно принося с военного завода части боевого оружия.

В 1958 году состоялось открытие бухенвальдского памятника. Советский комитет ветеранов войны послал на открытие памятника свою делегацию. Симаков, Кюнг, Бакланов, Назиров, Сахаров и Лысенко, а также руко водящие работники Комитета ветеранов войны входили в советскую делегацию.

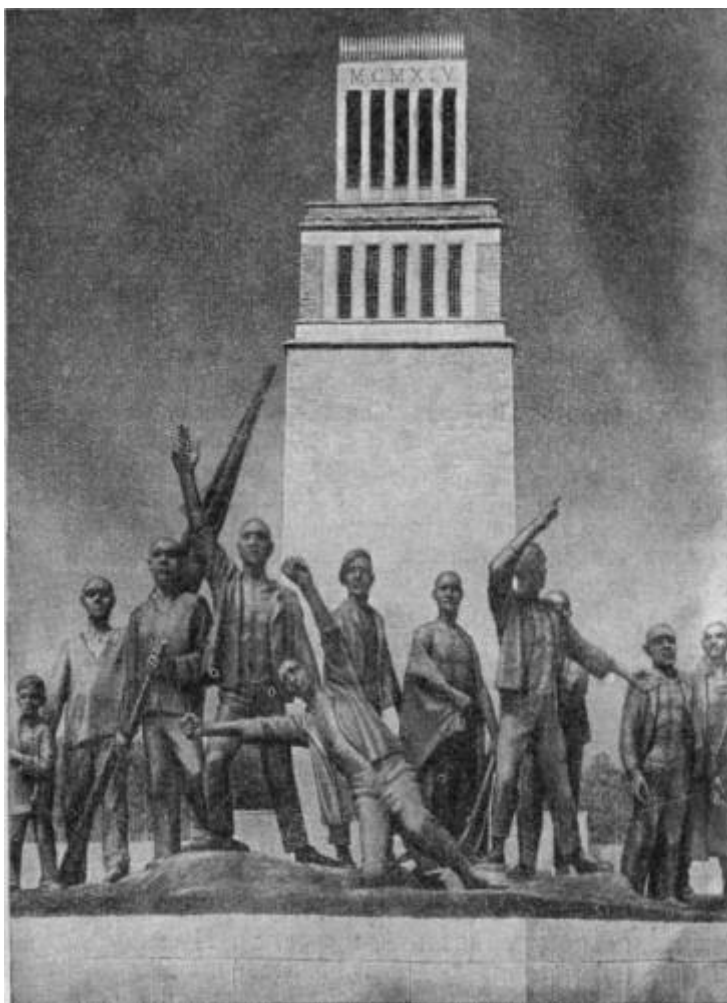
Много было радостных и волнующих встреч! Горячо обнялись два руководителя бухенвальдского подполья — немец Вальтер Бартель и русский Николай Симаков. Француз Пьер Провост был несказанно рад видеть русского патриота Николая Сахарова. Нашли здесь своих друзей и другие бывшие советские военнопленные. На земле, пропитанной кровью жертв гитлеризма, клялись они в верности делу борьбы с фашизмом, делу борьбы за мир во всем мире. На открытии памятника присутст вовали товарищи Вальтер Ульбрихт, Отто Гротеволь и Роза Тельман.

Когда настал момент открытия памятника, в безоблач ное осеннее небо взвились вымпелы многих стран, и среди них вымпел СССР. Раздался звон «колокола Бухен вальда»,

установленного на пятидесятиметровой башне. С яркой речью выступил Отто Гротеволь.

— Сегодня мы передаем немецкому народу и людям доброй воли всех стран, — сказал он, — этот национальный памятник на горе Эттерсберг в самом сердце Германии. Башня и стены его видны издалека. Пламя, горящее в жертвенных чашах, свидетельствует о нашем глубоко уважении к погибшим. Пусть звон колокола на башне пронесется вдаль над страной. Пусть голос его проникнет в сердца людей и принесет им весть о нашей неизменной решимости выполнить завет погибших героев и не успокаиваться до тех пор, пока не воцарятся во всем мире свобода и расцвет благосостояния на родовах!

Значительно и веско прозвучало слово представителя советской делегации Николая Симакова.

Памятник на горе Эттенберг

Делегация Советского комитета ветеранов войны на открытии памятника в Бухенвальде. Слева направо (сидят): член секции бывших военнопленных П. П. Павлов, ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны А. П. Маресьев, зам. Председателя Комитета ветеранов войны А. С. Никитин, бывший узник Бухенвальда С. М. Бакланов. Слева направо (стоят): Н. С. Симаков, Н. Н. Сахаров, Б. Г. Назиров, председатель президиума секции бывших военнопленных Н. Ф. Кюнг, А. Д. Лысенко — бывшие узники Бухенвальда

— Здесь, на месте кровавых ужасов, — сказал он, — мы сегодня открываем памятник нашим товарищам, павшим в борьбе с коричневой чумой. Здесь мы боролись, сплоченные единой мыслью — добиться полной победы над фашизмом. Десятки тысяч лучших наших товарищей отдали здесь свои жизни, а оставшиеся в живых считали, что эта борьба была последней. Но еще не замолкло эхо от стонов и проклятий наших погибших со братьев, как уже вновь над человечеством сгущаются тучи возрождающегося фашизма. 19 апреля 1945 года мы поклялись здесь, что прекратим борьбу только тогда, когда; последний фашистский преступник предстанет перед судом правды, что будем бороться до полного искоренения остатков фашизма. Мы, советские ветераны войны, бывшие узники фашистских концлагерей, призываем во имя всеобщего мира и безопасности народов, перед прахом павших товарищей — приложить все силы, чтобы не допустить вновь на нашу планету кровавый фашизм.

Вечная слава героям-антифашистам, павшим в борьбе за свободу и независимость своих народов!

Да здравствует мир во всем мире!

Взоры всех невольно обращаются к скульптурной группе, изображающей восстание заключенных Бухенвальда в апреле 1945 года, к высеченным на стене башни словам клятвы бухенвальдских узников, данной после восстания:

**«НАШ ЛОЗУНГ – С КОРНЯМИ УНИЧТОЖИТЬ ФАШИЗМ!
НАША ЦЕЛЬ – ПОСТРОИТЬ НОВЫЙ, МИРОЛЮБИВЫЙ
И СВОБОДНЫЙ МИР!»**

Открытие памятника на горе Эттерсберг превратилось в демонстрацию братской солидарности. Нет, не быть больше эсэсовскому аду! Нет, не быть больше кровавым оргиям фашистских изуверов!

Кровью советских военнопленных и политзаключенных, замученных в гитлеровских застенках, кровью других борцов-антифашистов как бы написаны предостерегающие слова: «Этому не бывать!»